

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
ГЕНЕРАЛЬНОЙ ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Л. А. Андреева

ИЗБРАННОЕ

Санкт-Петербург
2004

ББК 67.408

Андреева Л. А. Избранное. СПб., 2004. 56 с. (Сер. Ученые нашего Института)

В издание включены исследования Л. А. Андреевой по следующим вопросам уголовного права: причинная связь в преступлениях против жизни и здоровья, значение установления субъективной стороны для квалификации преступлений против личности, необходимая оборона. В опубликованные ранее материалы внесены изменения в соответствии с действующим законодательством.

©

Санкт-Петербургский
юридический
институт
Генеральной
прокуратуры
Российской
Федерации,
2004

ПРИЧИННАЯ СВЯЗЬ В ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ПРОТИВ ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЯ*

Материалистическая концепция причинности — основа понятия причинной связи в уголовном праве

Причина и следствие — понятия, имеющие значение только применительно к определенному явлению.

Причинная связь между явлениями внешнего мира есть лишь одно из звеньев, частичка универсальной связи всеобщего взаимодействия в развитии внешнего мира, но тем не менее это частичка не субъективной, а объективно реальной связи.

Все явления природы и общества причинно обусловлены. Вместе с тем среди причинно обусловленных явлений различаются необходимые и случайные связи. Необходимость и случайность материалистическая философия рассматривает в диалектическом единстве. Необходимые связи являются определяющими. При необходимых связях одно явление при данных объективных обстоятельствах закономерно порождает другое, так как в сущности первого явления и условиях его развития заложены реальные предпосылки наступления второго явления. Случайность может выступать и необходимостью, но в другой цепочке связей, которая, пересекаясь с развитием основного явления, влияет на его ход. Однако относительно основного явления случайность не отражает внутренних его свойств. Ф. Энгельс писал, что необходимость «... в конечном счете прокладывает себе дорогу сквозь бесконечное множество случайностей»¹.

Уголовно-правовая теория исходит из того, что причинная связь является необходимым элементом материальных² составов

* Андреева Л. А. Причинная связь в преступлениях против жизни и здоровья: Конспект лекций. Л., 1983 (с изменениями).

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 37. С. 393.

² В ряде случаев уголовная ответственность устанавливается не только за деяния, повлекшие реальные вредные последствия, но и за создающие реальную угрозу причинения вреда. Реальная возможность — это объективная категория, а не субъективное предположение. Вредные последствия не наступают в таких ситуациях лишь в силу случайных обстоятельств. Эти положения следует иметь в виду, в частности, при доказывании причинной связи по ст. 125 УК РФ (оставление в опасности). Причинная связь здесь должна быть доказана между бездействием лица и реальной возможностью наступления смерти.

преступлений, к которым относится и большинство преступлений против личности.

Принципиальной предпосылкой для правильного определения понятия причинной связи в уголовном праве является философское материалистическое учение о причинности.

Согласно теории диалектического материализма причинность есть объективная, существующая независимо от человеческого сознания связь между явлениями природы или общественной жизни. Причинная связь — лишь часть связей, существующих в материальном мире. «Чтобы понять отдельные явления, мы должны вырвать их из всеобщей связи и рассматривать их изолированно...»¹.

Причинная связь — необходимый элемент объективной стороны материальных составов преступлений.

Необходимые и случайные причинные связи в преступлениях против жизни и здоровья

Вопросы, связанные с определением значения различного характера причинно-следственных связей для ответственности, а также установление таких связей по конкретному уголовному делу до настоящего времени в теории уголовного права и судебно-следственной практике не находят единого толкования, что не способствует правильному применению уголовного закона.

Уголовное право в различные периоды исторического развития воспринимало разные теории причинной связи².

Теория адекватной причинной связи. Согласно этой теории причиной наступившего результата признается только такое действие, которое всегда в обычных условиях ведет к этому результату. Данная теория не учитывает нетипичных условий наступления результата. Например, наступила смерть после легкого удара по голове человека, перенесшего до этого операцию на черепе. Такой силы удар причиной смерти обычно не является, хотя очевидно, что в конкретной ситуации именно этой удар дал толчок развитию причинной связи.

Сторонники *теории главной причины* считают, что причиной наступившего результата должно признаваться только решаю-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 546.

² Подробнее об этом см.: Малинин В. Б. Философские исторические и теоретические основы причинной связи в уголовном праве. СПб., 1998.

щее главное действие, оказавшее наибольшее влияние на наступивший результат. Согласно этой теории не может быть привлечен к ответственности второстепенный соучастник преступления.

Теория непосредственной (ближайшей) причины признает причиной последнее ближайшее к последствию действие, тем самым исключая возможность привлечения к ответственности соучастников, действия которых не являются последним звеном перед наступлением результата. Кроме того, между действиями и последствиями могут вклиниваться действия других лиц, ответственность которых по этой теории обосновать невозможно.

Теория возможности и действительности причинения. Сторонники этой теории утверждают, что сначала имеется только абстрактная или конкретная возможность наступления последствия, затем она реализуется в действительность. Под конкретной понимается такая возможность, для проявления которой в действительности имеются все объективные основания и которая при определенных условиях с необходимостью обнаруживает себя в действительности.

Абстрактная возможность наступления результата исключает ответственность за его наступление. Например, выстрел в лесу создает лишь абстрактную возможность чьей-либо смерти, а на многолюдной улице — конкретную возможность. Значит, если смерть определенного лица все-таки наступила, в первом случае причинная связь отсутствует, а во втором — причинная связь налицо.

По данной теории происходит смешение понятия причинной связи как объективной категории и субъективной, т.е. невозможности в ряде случаев предвидения последствий при абстрактной возможности наступления результата.

Теория необходимого условия (conditio sine qua non). Согласно этой теории действие человека тогда является причиной определенного последствия, когда это действие было одним из необходимых условий наступления этого последствия. Таким образом, любое действие, без которого результат не наступил бы, признается причиной этого результата. По существу, такой концепции придерживается и В. Б. Малинин, в работах которого обосновывается положение, что причинная связь имеет место и тогда, когда действие человека сыграло не главенствующую роль в наступлении последствия, но без него определенный ре-

зультат не наступил бы. Например, потерпевшему причинен легкий вред здоровью, он был помещен в больницу, где погиб во время пожара¹.

Теория необходимой и случайной причинной связи. Эта теория отрицает причинную связь там, где результат явился от случайного действия. Только такие действия признаются причиной наступившего результата, которые с необходимостью влекут данный результат. Следует подчеркнуть, что как объективные основания уголовной ответственности из общих взаимодействующих условий должны выделяться только те, которые с закономерностью, неизбежностью, уже в момент совершения преступного действия вели к определенному результату.

Вот такие действия² и образуют необходимую причинную связь между общественно опасным деянием и наступившими общественно опасными последствиями.

При установлении случайной причинной связи уголовная ответственность за вредный результат исключается. Случайная связь между преступным деянием и вредным последствием будет, и когда такой результат закономерно не вытекал из совершенного действия, и когда он закономерно последовал бы за ним, но при конкретно сложившихся обстоятельствах действия других лиц или внешних сил изменили ход событий, вследствие чего наступивший результат превратился в случайность относительно первоначального противоправного действия. Изучение следственной и судебной практики, особенно о причинении тяжкого вреда здоровью потерпевшего, повлекшего за собой смерть, свидетельствует, что в эти верные в своей основе поло-

¹ Малинин В. Б. Причинная связь и проблемы общей части уголовного права. СПб., 1999. С. 97.

² В юридической литературе преобладает точка зрения, согласно которой принципиальной разницы между действием и бездействием как формами преступного деяния нет. Установление причинной связи при бездействии также обязательно, как и при действии. Бездействие, так же как действие, влечет определенные изменения во внешнем мире. Его своеобразие состоит в том, что при действии лицо непосредственно производит изменения во внешнем мире, а при бездействии оно не препятствует другим лицами или силам природы, определенным процессам, механизмам, что и приводит к вредным последствиям. При бездействии в каждом случае необходимо установить, что развитие тех сил, которые бездействующий не прервал, в данных условиях и обстановке закономерно повлекло бы за собой наступление определенных вредных последствий. (См. напр.: Курс советского уголовного права: В 5 т. / Под ред. Н. А. Беляева, М. Д. Шаргородского. Т. 2. М., 1970. С. 195).

жения при разрешении конкретных дел вкладывается подчас различный смысл.

В следственно-судебной практике встречается такой термин, как прямая причинная связь. Он, может быть, и имеет право на существование при определении причинной связи по не осложненным различными условиями причинения последствий (например, тяжкое ранение, повлекшее смерть вследствие повреждения жизненно важных органов), однако сущности теоретического понятия причинной связи не раскрывает. Кроме того, в процессуальных документах встречается полное смешение понятий причинной связи и вины.

Айнетдинов и Измайлов Городским народным судом г. Подольска были осуждены по ч. 2 ст. 206 и ст. 106 УК РСФСР (ч. 2 ст. 213 и ст. 109 УК РФ). В состоянии алкогольного опьянения из хулиганских побуждений они избили Зубкова, причинив ему многоосколочный перелом носа с разрывом хряща и множественные кровоподтеки лица и туловища. От острого малокровия из-за заболевания крови вследствие нарушения ее свертываемости Зубков скончался. На том основании, что Айнетдинов и Измайлов не знали о тяжелом заболевании крови Зубкова, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР не признала наличия причинной связи между причинением потерпевшему менее тяжких телесных повреждений и наступлением его смерти и исключила из приговора ст. 106 УК РСФСР (ст. 109 УК РФ)¹.

На самом деле необходимая причинная связь в данном случае налицо, так как телесное повреждение привело в движение имевшуюся болезнь потерпевшего, в результате чего последовала смерть. Другой вопрос — знали ли или могли ли знать преступники о болезни потерпевшего, т. е. можно ли обосновать их вину в причинении смерти.

Таким образом, теория деления причинной связи на необходимую и случайную является наиболее приемлемой для судебной практики.

Об уголовной ответственности за вредные последствия речь может идти только тогда, когда доказано, что они порождены конкретным противоправным действием, подпадающим под запрет уголовного закона, т. е. когда вредные последствия явились необходимым закономерным следствием такого противоправного деяния, в сущности которого были заложены реальные возможности наступления этих последствий. При установлении случайной причинной связи уголовная ответственность за вред-

¹ Бюллетень Верховного суда РСФСР. 1987. № 6. С. 7.

ный результат исключается. Случайная связь между преступным деянием и вредным последствием будет, и когда такой результат закономерно не вытекал из совершенного действия, и когда он закономерно последовал бы из него, но при конкретно сложившихся обстоятельствах действия других лиц или внешних сил изменили ход событий, вследствие чего наступивший результат превратился в случайность относительно первоначального противоправного действия. Следственная и судебная практика сталкивается и со сложными случаями причинной связи.

Так, военным трибуналом Закуражнов был признан виновным и осужден за то, что в драке нанес Шишкину перочинным ножом поверхностное ранение шеи и проникающее ранение брюшной стенки с повреждением передней и задней стенок желудка. Согласно заключению судебно-медицинских экспертов, второе ранение было отнесено к разряду тяжелых телесных повреждений, опасных для жизни в момент нанесения и по своим последствиям.

После ранения Шишкин был доставлен в больницу, где ему была проведена обработка раны шеи и операция брюшной полости, а на следующий день — повторная операция. После повторной операции Шишкин скончался от общего гнойного перитонита. В процессе расследования было установлено, что при первой операции брюшной полости не была обнаружена и ушита рана в задней стенке желудка.

В заключении экспертизы указывалось, что в данном случае проникающее ранение живота не влекло за собой с необходимостью смерть и при ушивании обоих отверстий развитие перитонита со смертельным исходом было бы менее вероятным.

Суд на этом основании сделал вывод об отсутствии причинной связи между преступными действиями Закуражнова и смертью Шишкина, квалифицировав действия первого только как умышленное причинение тяжкого телесного повреждения. Однако Военная коллегия Верховного суда СССР с таким выводом не согласилась, сославшись на то, что оплошность врача не изменила хода развития причинной связи между преступными действиями Закуражнова и смертью Шишкина, поскольку смерть наступила не от врачебного вмешательства, а в результате нанесенного Закуражновым ранения.

Военная коллегия пришла к выводу, что Закуражнов, нанося Шишкину удар ножом и причинив ему тем самым тяжкое телесное повреждение, должен был и мог предвидеть возможность его смерти, а отсюда вытекает и квалификация совершенного Закуражновым как умышленного тяжкого телесного повреждения, повлекшего за собой смерть, — ч. 2 ст. 108 УК РСФСР (ч. 4 ст. 111 УК РФ)¹.

Другой пример. Р. был признан Верховным судом Коми АССР виновным в причинении неосторожного телесного повреждения своему товарищу А. В результате огнестрельного ранения пуля прошла через брюшную полость, повредив при этом тонкую и поперечно-ободочную кишки. А. тут же достави-

¹ Определения Военной коллегии Верховного суда СССР // Бюллетень Верховного суда СССР. 1961. № 2. С. 33.

ли в больницу, где врач Т. произвела операцию, удалив часть разможенной выстрелом тонкой кишки. При этом она не выявила ранения поперечно-ободочной кишки, что через несколько дней повлекло за собой общий перитонит, а затем смерть А. Проникающее ранение живота, как известно, по признаку опасности для жизни относится к разряду тяжких телесных повреждений¹. Судебно-медицинский эксперт, давая заключение по данному делу, указал, что ранение по своему характеру смертельным не являлось, иными словами, если бы врач обнаружила рану поперечно-ободочной кишки и учла это при операции, то ранение не привело бы к смерти. Суд признал, что при таких обстоятельствах смерть А. является случайным, а не необходимым последствием действия Р. и поэтому он не должен нести ответственности за наступление смерти А. Действия Р. были квалифицированы не как неосторожное убийство, а как неосторожное причинение тяжкого телесного повреждения².

Итак, по аналогичным обстоятельствам двух дел следственные органы и суды приняли различные решения о характере причинной связи, а следовательно, и об ответственности лица, причинившего ранения, за наступившую смерть. Представляется, что верным является подход к решению вопроса о характере причинной связи между ранением и смертью Военной коллегии Верховного суда СССР по делу Закуражного. Согласно п. 31.1 Правил судебно-медицинской экспертизы тяжести вреда здоровью к опасным для жизни относятся повреждения, которые по своему характеру создают угрозу для жизни потерпевшего и могут привести его к смерти. Если причиненный вред соответствует признакам опасности для жизни, т. е. вызвал состояние, угрожающее жизни, которое может закончиться смертью (п. 13 Правил), то налицо необходимая причинная связь между наступлением смерти и действиями виновного, в том числе и когда при надлежащем поведении самого потерпевшего или третьих лиц имелась возможность предотвращения смерти. В таких случаях смерть обусловлена характером вреда уже в момент его причинения, и тот факт, что кто-то, в том числе и лицо, обязанное вмешаться в развитие возникшей причинно-следственной связи (например, врач), не сделало должного, не изменяет ее первоначального характера.

Необходимая для уголовной ответственности причинная связь будет и тогда, когда смерть или тяжкий вред здоровью

¹ Правила судебно-медицинской экспертизы тяжести вреда здоровью (приложение к приказу Минздрава РФ от 10 декабря 1996 г.).

² См.: Ефимов М. Причинная связь в уголовном праве // Советская юстиция. 1966. № 15. Автор статьи разделяет позицию суда по этому делу.

наступили от обострившегося вследствие причинения преступником вреда имевшегося у потерпевшего заболевания.

В школе на перемене ученик 10 класса Б. ударил кулаком в живот ученика восьмого класса Ю., повредив ему почку, которая при операции затем была удалена. Согласно заключению судебно-медицинской экспертизы, почка у Ю. была больная, а удары Б. нанес хотя и не сильные, однако этого было достаточно, чтобы болезнь обострилась. В данном случае между содеянным Б. и тяжким телесным повреждением Ю. (потеря почки) есть необходимая причинная связь, ибо даже несильные удары в область живота с учетом состояния потерпевшего привели к тяжким последствиям. Другое дело, что Б. не знал о болезни Ю. и не мог предвидеть такого развития причинной связи, а поэтому не должен нести ответственности за наступившие вредные последствия ввиду отсутствия вины¹.

Следует подчеркнуть, что установление действительного объективно существующего характера причинно-следственных связей имеет большое значение для определения вины.

Сироткин в споре ударил Гришина кулаком в левый глаз, в результате имело место проникающее ранение глаза с выпадением оболочек и тотальной отслойкой сетчатки. В процессе следствия было установлено, что у Гришина и ранее была травма этого глаза, но как это повлияло на тяжесть телесного повреждения по делу не установлено. В данном случае необходимая причинная связь будет в любом варианте, но ее характер имеет важное значение для определения вины Сироткина: если он знал о травме и она повлияла на тяжесть последствий, то в действиях виновного возможен умысел на причинение тяжкого вреда здоровью; если он не знал о ней, хотя тяжкие последствия наступили, то речь может идти только о неосторожном причинении тяжкого вреда здоровью потерпевшего. Если же имевшаяся травма не усугубила тяжести последствий, а тяжкий вред был вызван исключительно ударом, то, опять-таки, судя по силе удара, в действиях Сироткина возможен умысел на причинение тяжкого вреда здоровью².

При решении вопроса о характере причинно-следственной связи между тяжким вредом и смертью потерпевшего не имеет значения, когда наступила смерть: тотчас после причинения тяжкого вреда или через несколько часов или дней. Существенным является, что именно этот тяжкий вред повлек смерть.

Так, в определении по делу Егушва Судебная коллегия Верховного суда РСФСР отметила, что наступление смерти по истечении нескольких дней после причинения телесных повреждений не исключает ответственности за

¹ Судебная практика к Уголовному кодексу Российской Федерации. М., 2001. С. 368.

² Постановление Президиума и определение Судебной коллегии Верховного суда РСФСР // Бюллетень Верховного суда РСФСР. 1975. № 12. С. 11.

убийство¹. По делу Кудинова Судебная коллегия того же Суда подчеркнула, что факт наступления смерти через семь недель после ранения сам по себе еще не свидетельствует об отсутствии причинной связи и вины в отношении смерти².

Однако, поскольку речь идет о тяжком, опасном для жизни вреде, то большого промежутка во времени между его причинением и смертью, как правило, не бывает.

В каких же случаях при причинении телесного повреждения причинную связь между ним и наступившей смертью следует считать случайной?

Прежде всего надо иметь в виду ситуации, когда причиненное телесное повреждение, вред здоровью таковы, что при обычном течении они не влекут за собой смерть.

Пьяный Афанасьев ударил из хулиганских побуждений престарелую женщину палкой по ноге, причинив средней тяжести вред здоровью. Потерпевшая была доставлена в больницу, где через две недели скончалась от вызванной гриппозной инфекцией пневмонии, приведшей к отеку легких и острой легочной недостаточности. Быстрому развитию отека способствовала малоподвижность, обусловленная переломом.

В этом случае смерть не находилась в необходимой причинной связи с причиненным здоровью вредом, не являлась его закономерным последствием. Подключившаяся гриппозная инфекция по отношению к причиненному вреду здоровью была случайным фактором, а вынужденная малоподвижность больной должна была компенсироваться медицинскими мерами, чтобы не создавать благоприятный фон для развития болезни.

Определенная взаимосвязь между преступными действиями Афанасьева и смертью потерпевшей, безусловно, имеется, но она не является необходимой причинной связью, которая должна быть доказана для привлечения к ответственности за последствия.

Возможны и такие случаи, при которых причиненный тяжкий вред здоровью при обычном течении закончился бы смертью, но при конкретных обстоятельствах в первоначальную цепочку причинной связи затем вклинивается другая причина, которая непосредственно приводит к смерти. При такой ситуации

¹ Постановление Президиума и определения Судебной коллегии Верховного суда РСФСР // Бюллетень Верховного суда РСФСР. 1966. № 9. С. 8.

² Постановления Президиума и определения Судебных коллегий Верховного суда РСФСР // Бюллетень Верховного суда РСФСР. 1967. № 10 С. 6.

ответственность за наступившие последствия для причинившего тяжкий вред здоровью исключается. Если лицо желало смерти, то должно нести ответственность за покушение на убийство, а при отсутствии прямого умысла на лишение жизни — за причиненный вред здоровью.

Судебной коллегией по уголовным делам Ленинградского областного суда Иванов был осужден за умышленное убийство Ухова. Обстоятельства дела сводились к тому, что Иванов из хулиганских побуждений нанес Ухову удар ножом в левую часть грудной клетки. Доставленный в тяжелом состоянии в больницу Ухов после проведенной срочной операции скончался от вызванной принятием наркоза при операции асфиксии, наступившей вследствие заполнения дыхательных путей рвотными массами.

Пленум Верховного суда СССР, рассмотрев дело Иванова в порядке судебного надзора, пришел к выводу, что при изложенных обстоятельствах действия Иванова следовало квалифицировать не как оконченное убийство, а как покушение на убийство, так как непосредственной причиной гибели Ухова явилась случайность во время операции, а не само ранение¹.

В постановлении Пленума Верховного суда СССР по делу Вахидова и Ибадова указано, что вывод суда о наступлении смерти Расулова в результате повреждений, причиненных осужденными, вызывает серьезные сомнения. В заключении экспертизы отмечено, что рана на кишечнике зашита вместе с жировыми отложениями, в которых начался процесс нагноения. При таком положении возникает сомнение в правильности проведенной операции. Не исключено, что она явилась непосредственной причиной смерти².

Гулиев был осужден за умышленное тяжкое телесное повреждение, повлекшее смерть потерпевшего Нуралиева. Вышестоящий суд изменил приговор и переквалифицировал содеянное Гулиевым, сославшись на то, что между причиненным Нуралиеву телесным повреждением и смертью потерпевшего не установлена причинная связь. Гулиев нанес Нуралиеву проникающее ножевое ранение с повреждением желудка. После операции и лечения Нуралиев был выписан из больницы в удовлетворительном состоянии. Через два месяца он вновь поступил в больницу с послеоперационной грыжей. После двукратного оперативного вмешательства он умер от кишечной непроходимости, перитонита и интоксикации. При таких обстоятельствах нет оснований утверждать, что смерть Нуралиева наступила в результате тяжкого телесного повреждения, причиненного ему Гулиевым³.

Таким образом, если не доказано, что непосредственной причиной смерти потерпевшего явился причиненный преступником вред, то ответственность за смертельный исход исключается.

¹ Постановление Пленума Верховного суда СССР по отдельным делам // Бюллетень Верховного суда СССР. 1961. № 4. С. 9.

² Постановление Пленума Верховного суда СССР по отдельным делам // Бюллетень Верховного суда СССР. 1964. № 3. С. 34.

³ Из практики прокурорского надзора // Социалистическая законность. 1970. № 3. С. 94.

В свете рассмотренного вопроса несомненный интерес представляет дело по обвинению Войцеша, который первоначально был осужден по ч. 2 ст. 108 УК РСФСР (ч. 4 ст. 111 УК РФ). Он был признан виновным в том, что из хулиганских побуждений нанес ножевое ранение в живот Карташову, причинив ему тяжкое телесное повреждение. От воспаления брюшины некоторое время спустя наступила смерть Карташова. Следствие и суд исходили из того, что при ранении была занесена инфекция, которая явилась причиной воспаления брюшины, приведшей к смерти. Если бы такой механизм инфекции был доказан, то следовало бы считать, что между смертью и ранением имеется необходимая причинная связь, и квалификация, данная следствием и судом, была бы верной. Однако Судебная коллегия Верховного суда РСФСР не сочла доказанным факт внесения инфекции непосредственно при ранении ножом. Орудие преступления следствием обнаружено не было, а поэтому неизвестно, могло ли лезвие ножа занести в рану инфекцию, не поддающуюся антисептической обработке. Установлено, что Карташов обратился сразу же за медицинской помощью, и ему дважды делали операцию. При таких обстоятельствах следует считать не установленным, от чего и когда возникла инфекция, приведшая к смерти, а поэтому и нельзя считать доказанной причинную связь между ранением и смертью¹.

Таким образом, причинная связь между смертью и причиненным вредом здоровью будет случайной и тогда, когда действиями третьих лиц (или самого потерпевшего, или иных сил) изменено закономерное развитие причинной связи и смерть, таким образом, наступает от другой причины, а не непосредственно от причиненного вреда.

При таком развитии причинности не имеет значения, что по характеру телесного повреждения смерть могла наступить и непосредственно от него, важно, что при фактическом развитии причинно-следственных связей она явилась результатом действия других причин.

Причинная связь является необходимой и в тех случаях, когда наступивший результат, например смерть, мог быть предотвращен при своевременном медицинском вмешательстве².

¹ Постановления Президиума и определения Судебных коллегий Верховного суда РСФСР // Бюллетень Верховного суда РСФСР. 1971. № 11. С. 9.

² Не аргументированным и противоречащим сложившейся судебной практике является утверждение А. Горбуза о том, что в случае возможности предотвращения смерти при своевременном медицинском вмешательстве ответственность причинившего телесные повреждения за смертельный исход исключается ввиду отсутствия причинной связи. См.: Горбуз А. Установление причинной связи и квалификация преступлений // Советская юстиция. 1981. № 18. С. 15.

Если доказано, что причиненный преступником вред здоровью породил такой результат, как смерть, то налицо все элементы объективной стороны состава преступления, последствием которого явилась смерть, за что и должен обвиняемый нести ответственность. Квалификация содеянного будет зависеть, конечно, от вида вины.

Причинная связь при соучастии

Определенные трудности представляет установление причинной связи между преступными действиями и последствиями при совершении преступлений против личности в соучастии, когда тяжкий вред здоровью или смерть явились непосредственным результатом ранения, причиненного одним из соучастников.

Для вменения последствия в ответственность всем участникам прежде всего необходимо доказать, что действия каждого из них объективно способствовали наступлению этого последствия.

Так, трое братьев Герасимовых во время ссоры с соседом Поповым стали наносить ему беспорядочные удары, в том числе и по голове, выломанными из забора колыями. Одним из ударов по голове была причинена смертельная травма.

Независимо от того, кем был нанесен этот удар, все трое братьев должны отвечать за причинение смерти: между содеянным каждым и смертью имеется причинная связь, так как потерпевший вынужден был защищаться от ударов троих, что, несомненно, облегчало возможность нанесения любым из них смертельного повреждения.

Другой пример. Меджилов и Ибрагимов из хулиганских побуждений напали на Асадулина и нанесли ему семь ножевых ранений в грудь и живот, одно из которых оказалось проникающим в брюшную полость и, как опасное для жизни в момент нанесения, отнесено к категории тяжких телесных повреждений. И Меджилов и Ибрагимов, судя по характеру действий (оба наносили потерпевшему удары ножом), предвидели возможность причинения тяжкого телесного повреждения одним из них и сознательно допускали такое последствие, то есть оно охватывалось их умыслом. А поэтому Меджилов и Ибрагимов должны нести ответственность за совместное причинение тяжкого телесного повреждения, независимо от того, кто из них фактически нанес проникающее в брюшную полость ранение¹.

¹ Бюллетень Верховного суда СССР. 1964. № 3. С. 46. В свете сказанного представляется дезориентирующей практику позиция А. Горбуза, что в причинной связи с тяжким телесным повреждением находятся действия только того из хулиганов, кто его непосредственно причинил, хотя били все. См.: Горбуз А. Указ. соч.

Последствия в виде смерти или вреда здоровью находятся в причинной связи с действиями каждого из соучастников не только в случаях, когда, судя по характеру действий и орудиям, каждый из них мог причинить такой результат, но и когда остальные соучастники самостоятельно не могли причинить такие последствия, но их действия объективно способствовали наступлению такого результата. Например, если один наносит потерпевшему удары ножом, а другие — кулаками, то действия последних облегчают действия того, у которого нож, и при нанесении им смертельного ранения все будут отвечать за этот результат при доказанности, что они желали или сознательно допускали смерть потерпевшего. Такой подход к решению вопроса об ответственности за наступивший результат вытекает из особенностей ответственности при соучастии, разработанных теорией соучастия и судебной практикой.

В судебной и следственной практике допускаются ошибки и противоположного характера, а именно: когда наступившие последствия, в частности смерть, вменяют в ответственность всем соучастникам преступления без доказывания того, что действия каждого находились в причинной связи со смертельным исходом и это охватывалось умыслом всех соучастников.

Четвертков был осужден совместно с Цивиным за убийство Копанева. Сговор на убийство Копанева между Четвертковым и Цивиным доказан не был, а действия их выразились в следующем: Копаяев в ресторане приставал к Четверткову, назвал его компанию молокососами, нанес удар Кургану. Цивин схватил стул и с силой ударил им Копанева по голове, а когда последний зашатался, Четвертков нанес ему два удара кулаком в подбородок. Согласно заключению судебно-медицинской экспертизы смерть Копанева наступила от перелома костей свода и основания черепа с кровоизлиянием в оболочки мозга, что произошло от большой силы удара стулом. Четвертков нанес удары в челюсть уже после того, как потерпевший имел смертельные телесные повреждения, но Пленум Верховного суда СССР пришел к выводу, что Четвертков, нанося удары, полностью не осознавал опасный для жизни характер действий Цивина и не стремился принять участие в убийстве, а имел умысел лишь на нанесение побоев¹.

Таким образом, удары, которые нанес Четвертков, не находились в причинной связи со смертельным исходом и к тому же его сознанием не охватывалось, что удар, нанесенный Цивиним, может привести к смерти потерпевшего, а поэтому считать Четверткова соучастником убийства нельзя.

¹ Постановления Пленума Верховного суда СССР по отдельным делам // Бюллетень Верховного суда СССР. 1966. № 6. С. 27. См. аналогичное дело: Постановления Президиума и определения Судебных коллегий Верховного суда РСФСР // Бюллетень Верховного суда РСФСР. 1973. № 10. С. 7.

Как уже отмечалось, причинная связь является элементом объективной стороны состава преступления. Наличие или отсутствие причинной связи между противоправным действием и вредным последствием не зависит от субъективного отношения лица, совершившего такое действие, к развитию причинной связи. Причинная связь подлежит доказыванию как объективная категория. Но наличие причинной связи еще не предрешает вопроса об уголовной ответственности за наступивший результат. Для уголовной ответственности необходима доказанность всех элементов состава, в том числе и субъективной стороны.

Причинная связь и виды вины

Наряду с вопросом о возможных путях развития причинно-следственной связи при тяжком, опасном для жизни вреде здоровью практический интерес представляет и то, как установление подлинного характера этих связей помогает определению формы вины преступника по отношению к такому вреду здоровью и последовавшей за его причинением смерти, а следовательно, и верной квалификации преступления.

Остановимся на вопросе разграничения с учетом характера причинной связи умышленной и неосторожной вины по отношению к опасному для жизни вреду здоровью и последовавшей за ним смерти в случаях, когда виновное лицо определенные действия совершало сознательно.

Анализ опубликованной судебной практики по такого рода делам позволяет прийти к выводу, что в случаях, когда тяжкий вред здоровью наступил не прямо от действий виновного, например удара, а в результате вызванного этими действиями дальнейшего развития причинного ряда, как правило (если нет других доказательств направленности умысла), нет оснований считать, что тяжкий вред здоровью причинен умышленно, а речь может идти лишь о неосторожном его причинении¹.

Районным народным судом Гилев был осужден по ч. 2 ст. 108 УК РСФСР (ч. 4 ст. 111 УК РФ) за умышленное причинение тяжких телесных повреждений, повлекших смерть Гелиакберова. По делу установлено, что Гилев нанес Гелиакберову удар в лицо, от чего тот упал, ударившись головой об асфальт, и получил тяжкие телесные повреждения виде закрытой черепно-мозговой травмы с переломом затылочной части головы. По заключению судебно-

¹ Конечно, имеются в виду случаи, когда о форме вины приходится судить по характеру действий виновного лица.

медицинской экспертизы смерть Гелиакберова наступила от закрытой черепно-мозговой травмы с кровоизлияниями под оболочки мозга; эта травма произошла от удара затылком об асфальт. Судебная коллегия Верховного суда РСФСР с учетом всех обстоятельств дела пришла к выводу, что, нанося потерпевшему Гелиакберову удар кулаком, Гилев не имел намерения причинить ему тяжкие телесные повреждения. Гилев не предвидел, однако должен был и мог предвидеть вероятность наступления тяжких для Гелиакберова последствий при падении на асфальт. Поэтому содеянное Гилевым является неосторожным убийством¹.

Другой пример. Свердловским областным судом Лебедин был осужден по п. “б” ст. 102 УК РСФСР (умышленное убийство из хулиганских побуждений) за то, что ударом кулака в грудь спихнул Новоселова с лестницы в подъезде дома. При падении Новоселов ударился головой о стенку и от сотрясения мозга скончался.

Президиум Верховного суда РСФСР действия Лебедина переqualificировал на ч. 2 ст. 108 УК РСФСР (тяжкое телесное повреждение, повлекшее смерть). Председатель Верховного суда СССР внес в Пленум Верховного суда СССР протест, в котором поставил вопрос о квалификации преступления по ст. 106 УК РСФСР (неосторожное убийство). Пленум протест удовлетворил. Как усматривается из постановления Пленума, преступление было совершено при следующих обстоятельствах. Потерпевший Новоселов, возвращаясь домой в нетрезвом состоянии, перепутал свой дом с другим однотипным домом и по ошибке попал в чужую квартиру, где проживал Юдин. На предложение Юдина покинуть квартиру Новоселов стал угрожать Юдину побить его. Тогда Юдин с помощью Ковтунова вывел Новоселова на лестничную площадку. В это время по лестнице поднимался Лебедин, проживавший на том же этаже. Увидев пьяного Новоселова, Лебедин в раздражении ударил его в грудь. Новоселов от полученного толчка потерял равновесие и свалился по ступенькам на нижнюю лестничную площадку с высоты 1 метра 40 сантиметров. Падая, он ударился головой о стенку и от сотрясения мозга скончался. Из изложенного видно, что в намерение Лебедина входило лишь ударить Новоселова и его предвидением вовсе не охватывалось, что Новоселов получит при этом во время падения тяжелую травму. То обстоятельство, что Лебедин сознательно ударил Новоселова в грудь, само по себе не дает оснований для вывода о том, что он также умышленно относился и к последствиям удара, будь то смерть потерпевшего либо причинение ему тяжких телесных повреждений. Пленум пришел к выводу, что, ударив Новоселова, Лебедин не предвидел наступления тяжких последствий, однако по обстоятельствам дела должен был и мог предвидеть, что в результате его действий Новоселов может упасть с лестницы и получить такие повреждения, от которых наступит смерть².

В приведенных примерах ошибка следственных органов, а затем и судов заключалась в том, что они не учли развитие при-

¹ Бюллетень Верховного суда РСФСР. 1982. № 10. С. 5.

² Постановления Пленума Верховного суда СССР по отдельным делам // Бюллетень Верховного суда СССР. 1966. № 2. С. 23.

чинной связи, приведшей к тяжким телесным повреждениям и затем к смерти. Виновные лица в силу необдуманности своих действий не предвидели, хотя по обстоятельствам дела должны были и могли предвидеть, наступление тяжких последствий в виде смерти, т. е. до определенного момента их действия носили осознанный характер (удар, толчок), а по отношению к тяжкому, опасному для жизни вреду и смерти вина их была неосторожной, что подпадает под признаки неосторожного лишения жизни.

Если определенное развитие причинной связи лицо не должно было и не могло либо должно было, но не могло предвидеть, то уголовная ответственность за причиненный результат исключается, о чем уже говорилось ранее.

Таким образом, при расследовании уголовных дел, по которым требуется решить вопрос об ответственности конкретного лица или лиц за наступивший вред здоровью или смерть потерпевшего, надо выявлять объективно существующую причинную связь между преступными действиями каждого и наступившими последствиями, а в случае доказанности необходимой причинной связи на основе имевшихся доказательств устанавливать характер вины каждого в отношении как наступившего вреда здоровью, так и смертельного исхода. Такая аналитическая работа обеспечивает правильную квалификацию преступления.

ЗНАЧЕНИЕ УСТАНОВЛЕНИЯ СУБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ ДЛЯ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЛИЧНОСТИ*

Значение доказанности направленности и содержания умысла для квалификации преступлений против личности

Изучение уголовных дел об убийствах и причинениях телесных повреждений показывает, что в следственной и судебной практике нередки ошибки в оценке субъективной стороны со-

* Андреева Л. А. Значение установления субъективной стороны для квалификации преступлений против личности: Конспект лекций. Л., 1980 (с изменениями).

вершенного преступления, которые влекут затем неверную квалификацию содеянного и приводят к неправильному определению меры наказания, вида исправительных учреждений и другие правовые последствия. Следовательно, собирая доказательства по делу, с самого начала расследования преступления должен стремиться установить и субъективное отношение подозреваемого, обвиняемого к совершенному деянию, поскольку это необходимый элемент состава преступления.

На практике же нередко бывает так, что следователь в процессе собирания доказательств факта преступления не уделяет должного внимания обстоятельствам, раскрывающим содержание вины и способствующим установлению конкретного ее вида, а обращается к этому вопросу, и то без необходимого анализа добытых доказательств, только при составлении обвинительного заключения, в результате чего целый ряд важных аспектов субъективной стороны преступления, содержание умысла оказываются выясненными неполно, и квалификация преступления в таких случаях основывается исключительно на позиции обвиняемого.

В постановлении Пленума Верховного суда РФ “О судебной практике по делам об убийстве” от 27 января 1999 г.¹ сказано, что, решая вопрос о содержании и направленности умысла виновного, следует исходить из совокупности всех обстоятельств совершения преступления, учитывать, в частности, способы и орудия преступления, количество, характер и локализацию телесных повреждений, причины прекращения преступных действий виновного, его предшествующее поведение и взаимоотношения с потерпевшим. Для того чтобы целенаправленно собирать доказательства и давать им правильную оценку, следует четко знать признаки субъективной стороны каждого состава преступлений этой категории.

Отграничение покушения на убийство от умышленного причинения вреда здоровью

Отграничивать покушение на убийство от умышленного причинения вреда здоровью потерпевшего (ст.ст. 111—115 УК РФ) следует по субъективному отношению виновного к последствию своих преступных действий в момент их совершения.

¹ Бюллетень Верховного суда РФ. 1999. № 3.

Когда преступник, причиняя вред здоровью потерпевшего, предвидел, что от него наступит смерть, и желал такого последствия, т. е. действовал с прямым умыслом на причинение смерти, но она не наступила по не зависящим от него обстоятельствам, содеянное следует квалифицировать как покушение на убийство.

При установлении косвенного умысла к возможной смерти, когда преступник предвидел и допускал возможность смертельного исхода, но не желал его, а лишь сознательно допускал, квалифицировать содеянное следует по фактическим последствиям.

Квалификация преступных действий как покушение на убийство не может иметь место, если виновный действовал и с неконкретизированным умыслом, т. е. предвидел возможность наступления в результате своих преступных действий как различной тяжести вреда здоровью, так и смерти, допускал любое из этих последствий. В таких случаях уголовная ответственность наступает также за фактические последствия.

Казаков был осужден за покушение на убийство Анюкова. По делу установлено: Казаков, которого друзья предупредили, что к нему “объясняться” пришел Анюков и другие ребята, зашел в дом, взял ружье и, выйдя на веранду, произвел выстрел в Анюкова, находящегося в это время на противоположной стороне улицы. Выстрелом Анюкову причинены тяжкие телесные повреждения.

Пленум Верховного суда СССР не согласился с мнением нижестоящих судебных инстанций, полагавших, что Казаков совершил покушение на убийство Анюкова, и содеянное Казаковым переквалифицировал на ч. 1 ст. 108 УК РСФСР, указав, что судебные инстанции не конкретизировали характер его умысла. Между тем Казаков утверждал, что выстрелил только с целью поугаать ребят, пришедших к его дому. Также свидетели показали, что Казаков, выйдя на веранду с ружьем, сразу же, не прикладывая ружье к плечу и не целясь, выстрелил. При таких обстоятельствах следует заключить, что он сознавал и допускал наряду с другими последствиями возможность наступления смерти, но не желал такого результата. Поэтому содеянное им следует квалифицировать в зависимости от тех конкретных последствий, которые наступили в результате его преступных действий¹.

Установление направленности умысла нередко связано с трудностями, ибо виновный отрицает цель лишить жизни, утверждая, что стремился причинить только телесные повреждения, и иных доказательств, подтверждающих или опровергающих его показания, не имеется.

¹ Бюллетень Верховного суда СССР. 1970. № 5. С. 21.

В таких случаях следует помнить, что предвидение субъектом преступления неизбежности наступления определенных общественно опасных последствий от его действий является признаком прямого умысла и несовместимо с косвенным умыслом. Это прямо оговорено в п. 2 ст. 25 УК РФ.

Данное положение до вступления в силу УК РФ было разработано теоретически и конкретизировалось судебной практикой. Так, в постановлении Пленума Верховного суда СССР от 19 июля 1965 г. по делу Касимова указано: "... по обстоятельствам настоящего дела надлежит заключить, что, нанося сильный удар колюще-режущим оружием в такую часть тела, где располагаются жизненно важные органы, в частности сердце и легкие, Касимов несомненно сознавал неотвратимость наступления смерти в случае повреждения того или иного важного органа, который может оказаться в зоне проникающего ранения, и, поскольку он, тем не менее, совершил такие действия, следует признать, что причинение смерти охватывалось как его предвидением, так и желанием¹.

Аналогичный ход рассуждений, обосновывающий прямой умысел преступника на лишение жизни потерпевшего, имеется и в постановлении Пленума Верховного суда СССР по делу Маргвелашвили: "... Маргвелашвили наносил удары потерпевшим армейским ножом, имеющим длину лезвия 15 см, орудием, которое заведомо для него могло служить средством совершения убийства. Заключением судебно-медицинского эксперта подтверждено, что удар Коневу был нанесен с большой силой в левую половину грудной клетки².

Таким образом, в случаях, когда отсутствуют иные доказательства, позволяющие судить о характере и направленности умысла преступника, следственные органы и суд, устанавливая субъективную сторону, исходят исключительно из характера его действия: если лицо сознавало, что наносит удар в жизненно важные центры орудием, которым можно причинить смерть, и с соответствующей силой, значит, это лицо предвидело закономерность, неизбежность наступления смерти, а следовательно, и желало такого последствия, т. е. действовало с прямым умыслом на лишение жизни потерпевшего. Ненаступление смерти в таких случаях по не зависящим от преступника обстоятельствам (ока-

¹ Бюллетень Верховного суда СССР. 1965. № 6. С. 35—36.

² Бюллетень Верховного суда СССР. 1968. № 5. С. 12.

зание медицинской помощи потерпевшему, непопадание в жертву и т. д.) не препятствует квалификации содеянного как покушения на убийство.

Однако, если какого-либо из названных признаков нет, то при отсутствии иных доказательств считать доказанным прямой умысел на причинение смерти нельзя. Так, при нанесении ударов ножом, например, в бедро, плечо и иные не жизненно важные центры обосновать прямой умысел на причинение смерти только способом действия не представляется возможным, поскольку такие ранения обычно не влекут смертельного исхода, т. е. смерть не является неизбежным их результатом, что осознают и преступники, нанося удары такого рода.

Противоречива следственная и судебная практика в отношении квалификации случаев умышленного причинения ножевых проникающих ранений брюшной полости. При отсутствии иных доказательств направленности умысла на лишение жизни причинение единичного проникающего ножевого ранения брюшной полости обычно квалифицируется по последствиям как умышленное тяжкое телесное повреждение, а не покушение на убийство, хотя такое ранение без медицинского вмешательства тоже ведет к смерти. Объяснить такую позицию практики можно тем, что у широкого круга людей, не осведомленных в вопросах анатомии, существует представление об опасности для жизни повреждений головы и органов, расположенных в грудной клетке, а об опасности для жизни повреждений внутренних органов брюшной полости столь определенного представления нет. Следовательно, такие лица не предвидят неизбежной смерти потерпевшего в результате содеянного ими, а предвидят только возможность смертельного исхода, но не желают его, а только сознательно допускают, т. е. по отношению к смерти действуют с косвенным умыслом. И лишь в исключительных случаях при ранениях в брюшную полость появляется возможность по способу действий доказать прямой умысел на лишение жизни. Это относится к нанесению нескольких ударов с большой силой либо сильного удара таким оружием, как кинжал, солдатский нож, штык и т. д.

Затруднено доказывание по способу действия прямого умысла на лишение жизни, когда не представляется возможным установить силу удара. Поэтому при попытке нанести удар в жизненно важные центры оружием, которым можно причинить

смерть, если этот удар отклонен или преступник промахнулся, при невозможности установить, какой силы удар он собирался нанести, квалифицировать содеянное как покушение на убийство оснований нет. Такие действия в зависимости от мотивов и обстоятельств, предшествующих попытке нанести удар, могут квалифицироваться либо как хулиганство с попыткой применения, например, ножа, либо как угроза убийством, выраженная в самом действии. Более того, в тех случаях, когда удар орудием, которым объективно можно убить, нанесен в жизненно важные центры, но, судя по результатам, с небольшой силой, тогда как ничто не препятствовало преступнику нанести более сильный удар, квалифицировать содеянное как покушение на убийство по способу действия оснований также недостаточно.

Ильин поссорился на кухне со своей сожительницей Федоровой и на почве ревности нанес ей удар в область груди взятым со стола кухонным ножом. Поскольку Федорова успела закрыть грудь руками, удар пришелся в кисть левой руки. При этом рана на руке оказалась поверхностной, относящейся к легким телесным повреждениям. Ильин отрицал умысел на убийство Федоровой, поясняя, что он хотел попугать, и ударить рассчитывал так, чтобы ранение было легким. Показания Ильина подтверждались тем, что ранение руки оказалось поверхностным, а следовательно, сила удара была незначительной, хотя по своим физическим возможностям и обстановке Ильин мог нанести и более сильный удар. При таких обстоятельствах считать доказанным прямой умысел на лишение жизни оснований не было.

Квалификация преступных действий как покушение на убийство может иметь место и в случае смерти потерпевшего, которой желал преступник, если смерть наступила в результате иных непосредственных причин, например, после операции от вызванной принятием наркоза асфиксии, наступившей вследствие заполнения дыхательных путей рвотными массами¹.

Отграничение покушения на убийство от угрозы убийством

Как известно из закона (ст. 119 УК РФ), состав преступления образует только такая угроза, которая является реальной, т. е. в момент ее осуществления были основания опасаться, что преступник действительно убьет. Ведь угрожающий стремится сделать все так, чтобы поверили в его намерения убить, а поэтому угрожающие действия по своим объективным признакам могут

¹ См.: Бюллетень Верховного суда СССР. 1961. № 4. С. 9.

не отличаться от действий при покушении на убийство. В таких случаях и возникают трудности в разграничении угрозы и покушения. Различия — в субъективной стороне. При покушении определенные действия совершаются с целью убить. При угрозе — запугать, создать у потерпевшего впечатление, что его хотят лишить жизни. На самом деле при угрозе либо вовсе нет цели лишить жизни, либо угрожающий намерен привести угрозу в исполнение позже, не этими действиями.

Об отсутствии умысла на убийство при угрозе могут свидетельствовать следующие признаки: 1) неиспользование благоприятных условий для осуществления угрозы, 2) отступление перед препятствиями, которые можно легко преодолеть.

Во время ссоры с родственницей Волошин одной рукой схватил ее за плечо, а другой — занес над ее головой топор, заявив, что “изрубит пополам”. Перепуганная женщина стала пятиться от Волошина, а он следовал за ней. Дойдя до дверей, женщина упала. В этот момент Волошин с силой ударил топором по косяку двери над ее головой, после чего ушел из дома. Волошин показал, что убивать родственницу он не собирался, а хотел ее поугаать. Потерпевшая утверждала, что он хотел ее убить.

Что в данном случае было — отказ от повторения покушения на убийство (ушел, имея возможность продолжить) или угроза убийством, выраженная в словах и действии? Для обоснования прямого умысла на лишение жизни данных недостаточно. Сами по себе действия (удар по косяку в непосредственной близости от головы) еще не свидетельствуют с бесспорностью о наличии желания лишить родственницу жизни, а последующее отступление при наличии возможности продолжить преступные действия еще более убеждает в том, что прямой умысел на убийство не вытекает из обстоятельств происшествия, умысел же на запугивание вполне доказан.

Значит, если совершенные преступником действия не привели к смерти, но есть все основания по характеру этих действий считать, что желание убить имело место (например, осечка при выстреле в голову), то это покушение на убийство, даже если повторения и не последовало. Если же по характеру совершенных действий невозможно доказать цель лишить потерпевшего жизни, а других доказательств направленности умысла не добыто, то ответственность может наступить за угрозу убийством, поскольку факт запугивания лишением жизни вытекает из совершенных действий.

Отграничение причинения умышленного тяжкого вреда здоровью, повлекшего за собой по неосторожности смерть потерпевшего, от убийства и причинения смерти по неосторожности

Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшего, повлекшего его смерть (ч. 4 ст. 111 УК РФ), отграничивается от убийства тоже по субъективной стороне.

Как умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее смерть, квалифицируется преступление в том случае, когда имеет место умысел (прямой или косвенный) на причинение тяжкого вреда здоровью и неосторожная вина в причинении смерти.

Таким образом, для правильного применения этой статьи необходимо установить субъективное отношение преступника к двум последствиям его действий: тяжкому вреду здоровью и смерти.

При умышленном убийстве имеет место прямой или косвенный умысел на причинение смерти потерпевшему.

На практике особые трудности вызывает разграничение убийства, совершенного с косвенным умыслом, и умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, относящегося к разряду тяжких по признаку опасности для жизни в момент причинения, приведшего затем к смерти.

При решении вопроса о том, предвидел и допускал ли преступник смерть потерпевшего, причиняя тяжкий вред его здоровью, или нет, хотя при данных обстоятельствах должен был и мог это предвидеть, следует руководствоваться всей совокупностью добытых по делу доказательств, оцениваемых и с учетом житейских представлений людей о причинных связях.

Иногда считают, если преступник предвидел, что его действия могут привести к опасным для жизни телесным повреждениям, значит, он допускал и смертельный исход, а следовательно, при наступлении смерти содеянное является убийством с косвенным умыслом.

Однако это не всегда так. В момент причинения вреда здоровью преступник может действовать с неконкретизированным умыслом: предвидеть и допускать наряду с другими последствиями причинение и опасного для жизни тяжкого вреда здоровью. Но он предвидит и допускает однородные последствия, смерть же является качественно иным последствием, а поэтому

может не охватываться предвидением в момент совершения преступления.

Между предвидением опасности для жизни и фактической смертью возможен разрыв.

Основываясь именно на житейских понятиях, судебная практика исходит из того, что при умышленном сознательном нанесении проникающего ранения колюще-режущими предметами в части тела, не относящиеся к числу жизненно важных центров (плечо, бедро и т. д.), преступник обычно предвидит и допускает возможность причинения любого, в том числе и тяжкого, вреда здоровью, но, как правило, не предвидит возможности наступления смерти, хотя есть все основания считать, что при более глубоком обдумывании своих действий он должен был и мог это предвидеть, ибо любое проникающее ранение может вызвать неожиданные последствия, в том числе и смертельный исход.

Верховным судом Дагестана Арсланмурзаев и Идрисов были осуждены по п. “б” ст. 102 УК РСФСР (п. “и” ч. 2 ст 105 УК РФ) за убийство из хулиганских побуждений. Они напали на Нагиева, повалили его на землю, и Идрисов нанес потерпевшему удары кулаками, а Арсланмурзаев — палкой. Затем Арсланмурзаев нанес два удара ножом потерпевшему Нагиеву в правое бедро и ягодицу. Нагиев в тот же день скончался от полученных телесных повреждений.

Президиум Верховного суда РСФСР приговор изменил, указав, что в данном случае вывод о наличии умысла на лишение жизни в действиях Арсланмурзаева основан по существу лишь на факте наступления смерти и сделан без учета всех конкретных обстоятельств дела.

Нанесение ножевых ударов не в жизненно важные органы человека (область ног), которые, как правило, не влекут гибели потерпевшего, подтверждает достоверность показаний Арсланмурзаева об отсутствии у него умысла на убийство. Действия Арсланмурзаева свидетельствуют об умысле на причинение телесных повреждений, ответственность за которые должна определяться с учетом фактически причиненного тяжкого телесного повреждения, повлекшего по неосторожности смерть¹.

Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью со смертельным исходом имеет место и тогда, когда наносятся умышленно удары в жизненно важные центры, но не с такой силой, которая позволяет говорить о том, что предвиделась и допускалась смерть.

Верховным судом Башкирии Гадельшин был осужден за умышленное убийство из хулиганских побуждений Негомедзянова, которому нанес два удара кулаком в лицо, после чего наступила смерть.

¹ Бюллетень Верховного суда РСФСР. 1976. № 6. С. 10.

Президиум Верховного суда РСФСР изменил приговор, переквалифицировав действия Гадельшина на ч. 2 ст. 108 УК РСФСР (умышленное тяжкое телесное повреждение, повлекшее смерть) по тем основаниям, что умысел Гадельшина на убийство Негомедзянова не доказан, и его показания о том, что он не предвидел смертельного исхода, не опровергнуты.

По заключению судебно-медицинского эксперта смерть Негомедзянова наступила от удара в область носа, в результате чего имел место перелом костей носа и кровоизлияние под оболочку и в желудочки мозга. Указанное повреждение мог причинить ударом кулака любой человек, не знающий специальных приемов.

Свидетели подтверждали, что Гадельшин был удивлен, узнав о смерти Негомедзянова¹.

На практике нередко допускаются ошибки и обратного плана: убийство, совершенное с косвенным умыслом, квалифицируется как умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее смерть.

Сорокин нанес Тихонову удар кулаком в лицо, от которого Тихонов упал на пол. Подбежав к упавшему Тихонову, Сорокин и присоединившийся к нему Денисов стали избивать его ногами, обутыми в кирзовые сапоги, нанося с большой силой удары по лицу, шее и верхней части груди. После этого Сорокин и Денисов вынесли Тихонова на улицу и бросили на снег, а сами ушли. Смерть наступила в результате совокупности нанесенных повреждений в область шеи и головы, в частности множественных переломов гортани, повреждения носовой перегородки, которые привели к закрытию дыхательных путей.

Пленум Верховного суда РСФСР указал следующее: характер избияния свидетельствовал о том, что Денисов и Сорокин допускали смерть потерпевшего, т. е. они совершили убийство с косвенным умыслом. Тот факт, что осужденные вынесли потерпевшего после случившегося на улицу, не исключает умысла на лишение жизни. Данное обстоятельство может свидетельствовать лишь об отсутствии прямого умысла на убийство и о том, что они сомневались в конечном результате своих преступных действий².

Поведение преступника после совершения действий, приведших к смерти, так же как и его предшествующее поведение, безусловно, должно учитываться при выяснении субъективного отношения к содеянному, однако делать вывод об отсутствии умысла на убийство главным образом на основе действий виновного после совершения преступления нельзя. Оказание преступником жертве избияния помощи, прекращение избияния при наличии объективной возможности продолжать его далеко не всегда свидетельствуют о том, что преступник не допускал

¹ Бюллетень Верховного суда РСФСР. 1976. № 7. С. 4.

² Бюллетень Верховного суда РСФСР. 1968. № 3. С. 22.

возможности наступления смерти в процессе совершения преступных действий. Его психическое отношение к преступлению может измениться уже после того, как совершены все действия, приведшие затем к смерти, в результате наступившей психофизиологической разрядки, появившейся боязни за содеянное, стремления смягчить свою вину.

Иногда на практике при разграничении убийства и причинения тяжкого вреда здоровью потерпевшего, повлекшего его смерть, исходят из разрыва во времени между причинением вреда и смертью.

Такой подход к решению вопроса неправилен: время наступления смерти для квалификации преступления значения не имеет. Разрыв во времени между причинением вреда здоровью и смертью может объясняться силой организма потерпевшего, оказанием или неоказанием медицинской помощи, т. е. целым рядом обстоятельств, которые не зависят от преступника и не меняют характера его вины.

Так, Судебная коллегия Верховного суда РСФСР в определении по делу Егунова отметила, что наступление смерти потерпевшего по истечении нескольких дней после причинения телесных повреждений само по себе, без других обстоятельств, не может свидетельствовать об отсутствии у виновного умысла на убийство потерпевшего¹.

По делу Кудинова Судебная коллегия Верховного суда РСФСР не согласилась с приговором Саратовского областного суда, который обосновал квалификацию содеянного Кудиновым по ч. 2 ст. 108 УК РСФСР (ч. 4 ст. 111 УК РФ) ссылкой на то, что смерть потерпевшего наступила через продолжительное время — семь недель. Судебная коллегия подчеркнула, что причиной смерти потерпевшего явилось проникающее ножевое ранение черепа и что при таком характере ранения суду следовало более глубоко выяснить обстоятельства, предшествующие смерти, и после этого решить вопрос о том, предвидел ли виновный такое последствие своих действий, и, если будет доказано, что он предвидел причинение смерти, его действия квалифицировать как умышленное убийство².

Так как в большинстве случаев смерти предшествует тяжкий вред здоровью, отграничить умышленное причинение тяжкого вреда здоровью со смертельным исходом от причинения смерти по неосторожности бывает нередко затруднительно. Правильно квалифицировать в таких случаях опять-таки можно только при глубоком анализе субъективного отношения виновного к содеянному.

¹ Бюллетень Верховного суда РСФСР. 1996. № 9. С. 8.

² Бюллетень Верховного суда РСФСР. 1967. № 10. С. 6.

Решая вопрос об отграничении данных составов преступлений, следует иметь в виду, что преступное действие при неосторожном убийстве может быть совершено и сознательно: какие-то телесные повреждения преступник при этом предвидит и желает либо сознательно допускает.

При отграничении причинения смерти по неосторожности от преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ, следует выяснить, как далеко простиралось предвидение преступника в отношении последствий его действий.

Руссов был признан виновным в умышленном причинении тяжких телесных повреждений, повлекших смерть. Он во время ссоры нанес гражданину Сиренко два удара рукой справа и слева в челюсть, от чего тот упал и скончался.

Пленум Верховного суда СССР указал по этому делу следующее: для обвинения в преступлении, предусмотренном ч. 2 ст. 108 РСФСР (ч. 4 ст. 111 УК РФ) необходимо установить, что виновный, совершая противоправные действия, имел умысел на причинение тяжких телесных повреждений, т. е. предвидел такие последствия своих действий и желал либо сознательно допускал их.

Обстоятельства же данного дела свидетельствуют, что в умысел Руссова, когда он наносил удары по лицу Сиренко, не входило причинение каких-либо опасных для жизни повреждений. Из заключения судебно-медицинской экспертизы не усматривается, что Руссов удары наносил с большой силой. Смерть Сиренко наступила в результате сотрясения и кровоизлияния под оболочку в желудочки мозга.

Оценивая обстановку происшествия, поведение Руссова до и после нанесения ударов (он очень испугался, узнав о смерти Сиренко), Пленум признал, что Руссов не предвидел возможности тяжких последствий своих действий.

Вместе с тем, нанося удары по лицу (голове) потерпевшему, Руссов, хотя и не предвидел, но должен был и мог предвидеть и такие последствия, которые фактически наступили, а поэтому Пленум переквалифицировал содеянное Руссовым на неосторожное убийство¹.

Таким образом, при неосторожном лишении жизни (ст. 109 УК РФ) не только преступное действие (например, удар), но и вызванные им и предшествующие смерти промежуточные последствия (вред здоровью) могут быть учинены умышленно, т. е. лицо их предвидит в качестве возможных последствий своего действия. Однако предвидение ограничивается такими последствиями, как легкий или средней тяжести вред здоровью. При доказанности того, что лицо предвидело и допускало возможность причинения и тяжкого вреда здоровью, фактически

¹ Неосторожное лишение жизни по УК РСФСР (ст. 109) называлось убийством. Бюллетень Верховного суда СССР. 1971. № 4. С. 19.

предшествующего смерти, которую виновный не предвидел, но должен был и мог предвидеть, содеянное подпадает под признаки ч. 4 ст. 111 УК РФ.

Анализ судебной практики позволяет сделать вывод, что если при умышленности действия тяжкий вред, за которым последовала смерть, явился результатом не непосредственно первоначального действия, например удара, а дальнейшего развития причинной связи (падение, ушиб о мостовую и т. д.), то при отсутствии иных доказательств того, что возможность тяжкого вреда здоровью лицом предвиделась и допускалась, следует считать: как смерть, так и тяжкий вред лицо не предвидело, а только должно было и могло предвидеть, т. е. действовало неосторожно в отношении этих двух последствий, а следовательно, совершило преступление — неосторожное лишение жизни (ст. 109 УК РФ).

Таким образом, установление обстоятельств, относящихся к субъективной стороне преступления, ограничено возможностями процессуальных средств. Тем важнее в ходе расследования искать доказательства, указывающие на внутреннее отношение виновного лица к содеянному, правильно оценивать их, а не идти по пути упрощенчества либо завышения квалификации. При рассмотрении дела в суде такая неисследовательность вызывает осложнения и может привести к несправедливому приговору.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ*

На протяжении многих десятилетий правовой институт необходимой обороны и связанные с ним понятия (превышение пределов необходимой обороны, мнимая оборона и т. д.), разработанные уголовно-правовой наукой и включенные в уголовное законодательство, явно недооценивались следственно-судебной практикой. И этому есть свое объяснение. Слишком довлел в общественном сознании и в сознании многих специалистов сам

* Необходимая оборона. Уголовно-правовые и процессуально-тактические вопросы / Авт.-сост. Л. А. Андреева, С. К. Питерцев. СПб., 1995 (с изменениями).

факт причинения кому-то смерти или опасного вреда здоровью, чтобы допустить мысль, что при определенных условиях такие деяния не влекут уголовной ответственности.

Разумеется, бывали случаи признания необходимой обороной действий лица, причинившего вред нападавшему, но это не было правилом для всех ситуаций такого рода, а встречалось как исключение. К тому же доказывание противоправного характера действий посягавшего в этих ситуациях было простым, ибо подтверждалось показаниями свидетелей-очевидцев, и необходимая оборона, таким образом, становилась несомненной.

Но если при совершении аналогичных действий очевидцев не находилось и в силу этого круг источников сведений о важных нюансах борьбы резко сужался, вопрос решался по упрощенной схеме — показания лица о необходимой обороне просто не принимались в расчет.

А между тем, как известно из повседневной жизни, многие насильственные преступления начинаются нападением, и следовательно, состояние необходимой обороны от такого посягательства должно возникать и действительно имеет место гораздо чаще, чем об этом свидетельствует следственно-судебная практика.

Пониманию проблематики института необходимой обороны и его правильному применению на практике следователями и прокурорами должно способствовать знание признаков, установление которых может кардинально изменить правовую оценку насильственных действий, первоначально казавшихся криминальными. Именно отсутствием соответствующей системы знаний у специалистов и объясняется то, что эти обстоятельства и их признаки в ходе расследования не выявляются и должным образом не оцениваются. Результатом же этого становится объективное вменение субъекту, действовавшему в состоянии необходимой обороны, в лучшем для него случае — превышения ее пределов, а в худшем — фактически наступивших от его действий последствий как умышленно причиненных без смягчающих обстоятельств.

Известно, что право на необходимую оборону является конституционным правом человека, вытекающим из ст. 45 Конституции Российской Федерации.

Более детально институт необходимой обороны и связанные с ним смежные правовые явления рассматриваются в Уголовном

кодексе РФ. Так, статья 37 УК определяет понятие необходимой обороны, указывает ее пределы, а также кратко характеризует содержание смежного понятия — превышения пределов необходимой обороны. В УК РФ предусматривается особая правовая оценка (с пониженной уголовной ответственностью) двух разновидностей преступления, совершенного с превышением пределов необходимой обороны, — убийства (ст. 108) и причинения тяжкого или средней тяжести вреда здоровью (ст. 114).

И наконец, еще одно правовое явление, связанное с необходимой обороной: в п. “ж” ч. 1 ст. 61 УК РФ говорится, что совершение преступления при нарушении условий правомерности необходимой обороны, задержания лица, совершившего преступление, признается смягчающим наказанием обстоятельством. Данное обстоятельство учитывается при назначении наказания за любое преступление, связанное с причинением явно чрезмерного умышленного вреда при отражении общественно опасного посягательства.

Общественно опасное посягательство, от которого можно обороняться с причинением вреда посягающему, обязательно должно быть объективно преступным. Это положение и имелось в виду в п. 2 постановления Пленума Верховного суда СССР от 16 августа 1984 г. “О применении судами законодательства, обеспечивающего право на необходимую оборону от общественно опасных посягательств”, в котором указывалось, что под общественно опасным посягательством, защита от которого допустима в пределах ст. 13 УК РСФСР (ст. 37 УК РФ), следует понимать деяние, предусмотренное особенной частью уголовного закона, независимо от того, привлечено лицо, его совершившее, к уголовной ответственности или освобождено от нее в связи с невменяемостью, недостижением соответствующего возраста или по другим основаниям¹.

Не может признаваться находившимся в состоянии необходимой обороны лицо, причинившее вред другому лицу при совершении последним действий, хотя формально и содержащих признаки какого-либо деяния, предусмотренного уголовным законом, но заведомо для причинившего вред не представляющих в силу малозначительности общественной опасности (ч. 2 ст. 14 УК РФ).

¹ Бюллетень Верховного суда СССР. 1984. № 5.

Из этого следует вывод, что положения о необходимой обороне не применимы и к деяниям, которые вообще не подпадают под признаки уголовного закона, а относятся, например, к административным правонарушениям. В таких случаях лицо, причинившее вред, подлежит ответственности на общих основаниях. Это не означает, что вообще не следует противодействовать, например, мелкому хулиганству или другому административному правонарушению. Противодействие необходимо, в том числе может быть и с применением физической силы, но без виновного (и посему уголовно наказуемого) причинения вреда личности нарушителя.

Из текста ч. 1 ст. 37 УК РФ видно, какие объекты (общественные отношения) могут защищаться с причинением вреда лицу, совершающему общественно опасное посягательство на них, и что закон одобряет их активную защиту со стороны граждан (ч. 3 ст. 37 УК РФ).

Отсюда же следует, что “обороняться” нельзя от законных действий должностных лиц и граждан. Например, при пресечении общественно опасных действий гражданина это лицо не может находиться в состоянии необходимой обороны от их действий, направленных на его задержание, доставление в соответствующие органы власти и т. п. Не может быть ссылок на необходимую оборону и со стороны лица, вмешавшегося в драку на стороне ее зачинщика и объясняющего убийство или причинение тяжкого (средней тяжести) вреда другому участнику драки тем, что последний стал преодолевать нападение и опасность угрожала уже зачинщику.

Однако такие случаи не следует смешивать с ситуацией, когда лицо правомерно вступило в драку с целью пресечь нарушение общественного порядка, не поддерживая ни одного из участников драки либо стремясь отразить насилие со стороны инициатора.

Между Г. и М. возникла ссора, которая переросла в драку. Б. пытался убедить их прекратить драку, но Г. потребовал, чтобы Б. отошел, и замахнулся на него ножом. Б. выбил из рук Г. нож и поднял его. Г. в этот момент набросился на Б., и последний нанес ему удар ножом, повредив подключичную артерию. Г. тут же умер.

Пленум Верховного суда СССР признал, что Б. действовал в состоянии необходимой обороны. Он стремился прекратить драку¹.

¹ Бюллетень Верховного суда СССР. 1970. № 1. С. 27.

Разумеется, не может быть признано находящимся в состоянии необходимой обороны лицо, которое вызвало нападение намеренно, чтобы использовать его как повод для совершения противоправных действий (развязывание драки, учинение расправы, совершение акта мести и т. п.). Об этом говорилось в п. 6 Постановления Пленума Верховного суда СССР от 16 августа 1984 г.

Для признания лица находящимся в состоянии необходимой обороны должно быть установлено наличие непосредственной реальной угрозы посягательства на охраняемые законом интересы либо начавшееся и еще не окончившееся посягательство. Уголовно наказуемое превышение пределов необходимой обороны имеет место тогда, когда умышленные действия явно не соответствуют характеру и опасности посягательства. Согласно новой формулировке ст. 37 УК РФ понятие превышения пределов необходимой обороны связывается с ситуациями, когда посягательство не было опасным для жизни обороняющегося или другого лица либо не было угрозы применения такого насилия, так как при наличии опасности для жизни допустимы все средства и способы обороны — вплоть до лишения посягавшего жизни.

Такое нововведение закона обязывает следователей, прокуроров тщательно анализировать весь механизм посягательства, устанавливать, в частности, и те обстоятельства, которые могли быть восприняты обороняющимся как реальная угроза его жизни или жизни других лиц.

Например, вор противоправно проник в чужое жилище, где находились или вскоре появились хозяева. При соответствующем агрессивном его поведении или некоторых действиях, которые с учетом экстраординарности ситуации могли вызвать опасения хозяев за свою жизнь, вполне психологически объяснимы и с правовой точки зрения оправданны любые с их стороны средства защиты, с любыми последствиями для вора.

Так, правильно поступили правоприменительные органы Санкт-Петербурга, прекратив уголовное дело, возбужденное по ст. 105 УК РСФСР (ст. 108 УК РФ) в отношении М.

На личном “Москвиче” вместе со своей женой М. следовал домой. Около дома “Москвич” задел стоявшую автомашину марки “Форд-скорпио”, повредив ее левую фару. Хозяин иномарки Колосенко и его пассажир Хадеев, угрожая М. расправой, потребовали компенсацию — две тысячи американских долларов. Так как М. не имел таких денег, они его избили, требуя отдать в

залог машину или квартиру. Забрав у М. паспорт, Колосенко и Фадеев явились к нему домой. Колосенко пытался ударить М. Тот схватил висевшее на стене двухствольное ружье и после словесного предупреждения нажал на спусковой крючок. Подскочивший к М. Фадеев также получил заряд из второго ствола. В результате оба поплатились жизнью.

Признание М. находившимся в состоянии необходимой обороны (без превышения ее пределов) в данном случае вполне обоснованно: вымогатели, требовавшие сумму, явно превышающую нанесенный им ущерб, вели себя агрессивно, сначала избивали М., а затем ворвались в квартиру, где находился не только М., но и его семья, включая малолетнего ребенка. При таких обстоятельствах М. имел все основания опасаться за свою жизнь и жизнь членов семьи, а поэтому мог использовать самые крайние меры защиты, вплоть до применения оружия и лишения преступников жизни.

По такому пути идет и практика Верховного суда РФ.

Медведкин был осужден по ст. 105 УК РСФСР (ст. 108 УК РФ) за убийство при превышении пределов необходимой обороны при следующих обстоятельствах. Возвращаясь домой и проходя по деревне, Медведкин поровнялся с незнакомым пьяным Янковым, который внезапно напал на него, избил, причинив телесные повреждения — ссадины полости рта, перелом зуба. Начавшего убежать Медведкина Янков стал преследовать, угрожая убийством. Вынув из кармана нож, Медведкин крикнул Янкову, чтобы тот не подходил, но Янков, сказав “убью”, приблизился вплотную. В этот момент Медведкин ткнул Янкова ножом, причинив ему колото-резаное ранение грудной клетки с повреждением левого желудочка сердца, вследствие чего потерпевший тут же скончался¹.

Надзорная инстанция суда, удовлетворив протест заместителя председателя Верховного суда, констатировала, что превышения пределов необходимой обороны в данном случае не усматривается. У Медведкина были все основания полагать, что в действиях Янкова содержится угроза его жизни, так как тот, являясь более молодым по возрасту, физически сильным, вел себя агрессивно, избил его. Медведкин больной человек, имеет врожденный порок сердца. При таких обстоятельствах действия Медведкина являются необходимой обороной, и приговор подлежит отмене с прекращением дела. Однако такие широкие возможности правомерной защиты закон предусматривает только для случаев посягательства, сопряженного с опасным для жизни насилием или непосредственной угрозой такого насилия.

¹ Бюллетень Верховного суда РФ. 1994. № 4. С. 14.

Применительно к трактовке превышения пределов необходимой обороны в практике возникает вопрос — что означает понятие явного несоответствия обороны характеру и опасности посягательства¹.

Явное, т. е. очевидное, несоответствие обороны посягательству выражается в так называемой чрезмерной обороне. Она может быть обусловлена прежде всего существенно различной значимостью благ, интересов, которым грозила опасность от нападения и которым был причинен вред оборонительными действиями.

Судебной практикой не признается явным несоответствием обороны опасности посягательства причинение смерти насильнику, лицу, стремящемуся причинить тяжкий вред здоровью обороняющегося. А вот при защите имущественных интересов явное несоответствие вреда, причиненного оборонительными действиями, опасности посягательства на практике встречается.

Акимов пытался сорвать с головы Сорокина меховую шапку. Сорокин в этот момент ударил его ножом в живот, от чего Акимов получил тяжкое телесное повреждение. Необходимости наносить Акимову такое ранение в данном случае не было, так как защищался сравнительно малоценный имущественный интерес.

Явное несоответствие защиты посягательству может быть обусловлено способом действий посягавшего и обороняющегося. При этом учитываются сила, стремительность, орудие нападения, физические возможности, количество посягавших и обороняющихся. Только с учетом всех этих обстоятельств можно сделать вывод о превышении пределов необходимой обороны, в частности при посягательствах на здоровье. Встречающаяся в уголовных делах позиция о превышении пределов необходимой

¹ Ст. 14 ГК РФ предусматривает право граждан на самозащиту гражданских прав, оговаривая, что способы самозащиты должны быть соразмерны нарушению и не выходить за пределы действий, необходимых для его пресечения. Это законоположение, несомненно, соприкасается с понятием необходимой обороны в уголовном праве, но поскольку речь идет об исключении гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный при самообороне любых гражданских прав, то закон говорит о соразмерности, а не о явном несоответствии. Таким образом, может быть ситуация, когда установлена некоторая несоразмерность, допущенная по неосторожности, и гражданско-правовая ответственность наступит, а уголовной ответственности, в силу недоказанности явного, умышленного несоответствия, не будет.

обороны, основанная лишь на сопоставлении орудий нападения и обороны, не может быть признана обоснованной.

Кроме того, следует учитывать, что обороняющееся лицо часто взволновано и не имеет возможности адекватно оценивать обстановку и намерения посягающего¹.

При совершении посягательства группой лиц обороняющийся вправе применить к любому из нападавших такие меры защиты, которые определяются опасностью и характером действия всей группы.

Колякин был осужден по ч. 1 ст. 108 и ч. 1 ст. 114 УК РФ за убийство Дахмардаева и умышленное причинение тяжкого вреда здоровью Тенишева, совершенные при превышении пределов необходимой обороны.

Президиум Астраханского областного суда, рассмотрев протест заместителя Председателя Верховного суда РФ, в котором ставился вопрос о прекращении дела за отсутствием в действиях Колякина состава преступления, протест удовлетворил. Обоснования Президиума сводились к тому, что на Колякина в подъезде дома напали двое, сбили его с ног, пытались сорвать с руки перстень и часы, били по телу и лицу руками и ногами. Колякин с целью самозащиты вытащил из кармана складной нож и стал им отмахиваться, опираясь другой рукой о пол. Именно в процессе этих действий и были причинены ранения Дахмардаеву и Тенишеву².

Президиум областного суда исходил из того, что, решая вопрос о наличии или отсутствии признаков превышения пределов необходимой обороны, следует учитывать не только соответствие или несоответствие средств защиты и нападения, но и характер опасности, угрожающей обороняющемуся, его семье, возможности по отражению посягательства, а также все иные обстоятельства, которые могли повлиять на реальное соотношение сил посягавшего и защищавшегося.

Превышение пределов необходимой обороны будет тогда, когда не была использована явная возможность в данной обстановке осуществить оборону менее опасными средствами. Из ст. 37 УК РФ четко следует, что каждый гражданин может активно обороняться, независимо от возможности избежать пося-

¹ В часть 2 ст. 37 УК РФ Федеральным законом "О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации" от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ внесено дополнение, в котором подчеркивается, что не являются превышением пределов необходимой обороны действия обороняющегося, если он вследствие неожиданности посягательства не мог объективно оценить степень и характер опасности нападения. См.: Собрание законодательства РФ. 2003. № 50. Ст. 4848.

² Бюллетень Верховного суда РФ. 2003. № 8.

гательства либо обратиться за помощью к другим лицам или органам власти.

Усмотрев в действиях лица признаки превышения пределов необходимой обороны, следовательно, прокурор не могут ограничиться в процессуальных документах общей формулировкой. Вывод о превышении пределов необходимой обороны должен быть обоснован анализом конкретных установленных по делу обстоятельств, свидетельствующих о явном несоответствии защиты характеру и опасности посягательства.

В юридической литературе по-разному решается вопрос о возможности признания несоответствия обороны характеру и опасности посягательства при несвоевременности обороны. Несвоевременной признается такая оборона, которая предпринята до возникновения необходимости оборонительных действий или после того, как эта необходимость отпала.

Ученые-юристы стоят, как правило, на той позиции, что несвоевременная оборона не может рассматриваться как превышение пределов необходимой обороны и, таким образом, убийство, причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью, совершенные в условиях, когда непосредственной угрозы посягательства еще не было или посягательство уже закончилось, не должны ни при каких обстоятельствах квалифицироваться по ст.ст. 108, 114 УК РФ.

В п. 5 Постановления Пленума Верховного суда СССР от 16 августа 1984 г. указывалось, что действия оборонявшегося, причинившего вред посягавшему, не могут считаться совершенными в состоянии необходимой обороны, если вред причинен после того, как посягательство было предотвращено или окончено и в применении средств защиты явно отпала необходимость. В этих случаях ответственность наступает на общих основаниях.

Конечно, если лицо понимало, что реальной опасности со стороны будущего потерпевшего еще или уже нет, то нельзя рассматривать причинение им вреда здоровью или лишение жизни как необходимую оборону. В таких ситуациях ответственность наступает как за обычное умышленное преступление.

Краснов и Артемов несколько дней вместе пьянствовали, а затем поссорились. Когда Артемов лег спать, озлобленный на него Краснов пытался подкрасться к нему и ударить его топором. Но Артемов заметил это и, будучи физически сильнее Краснова, отнял у него топор, повалил Краснова на пол и

несколькими ударами лезвия топора по голове убил. Из материалов дела было видно, что обезоруженный и лежащий на полу Краснов явно перестал представлять опасность для Артемова и тот убил его, мстя за покушение. Судебная коллегия Верховного суда РСФСР по протесту прокурора приговор Ростовского областного суда, осудившего Артемова по ст. 105 УК РСФСР, отменила и возвратила дело на новое судебное рассмотрение. Артемов был осужден за убийство без смягчающих обстоятельств¹.

В Постановлении Пленума Верховного суда СССР от 16 августа 1984 г. разъяснялось, что состояние необходимой обороны не может считаться утраченным в том случае, когда акт самозащиты последовал непосредственно за актом хотя бы и оконченного нападения, но по обстоятельствам дела обороняющемуся не был ясен момент его окончания.

Чимитов был осужден за убийство при превышении пределов необходимой обороны по ст. 105 УК РСФСР.

Чимитов вместе с Цыренжаповым и Сотничем собирали в поле коноплю, и Чимитов за это был задержан, а Цыренжапов и Сотнич успели убежать. После освобождения Чимитова из следственного изолятора Цыренжапов и Сотнич стали его преследовать, предполагая, что он рассказал работникам ОВД об участии их в сборе конопли. Вызвав Чимитова на чердак для разговора, Цыренжапов стал его упрекать, возникла ссора. Цыренжапов вытащил из кармана складной нож, но Чимитов ногой выбил его. Тогда Цыренжапов схватил палку длиной 60 см и стал ею бить Чимитова. Когда Чимитов упал, Цыренжапов поднял нож и, положив его себе в карман, вновь замахнулся на него палкой.

Чимитов в это время схватил секцию отопительного радиатора и нанес встречный удар. При этом Цыренжапов палкой сломал Чимитову палец, а удар Чимитова секцией радиатора пришелся по голове Цыренжапова, от чего тот упал. Когда Цыренжапов стал приподниматься, Чимитов нанес ему второй удар секцией по голове, убив его.

Обосновывая квалификацию действий Чимитова по ст. 105 УК РСФСР, суд в приговоре указал: "...учитывая, что Чимитов после отражения нападения Цыренжапова нанес второй удар массивным предметом по голове упавшего, суд считает, что им были превышены пределы необходимой обороны".

Президиум Верховного суда РФ, рассмотрев дело по протесту заместителя Генерального прокурора, с такой оценкой содеянного Чимитовым не согласился, указав, что после первого удара Цыренжапов начал приподниматься, что вполне могло быть расценено Чимитовым как продолжение нападения, тем более что у Цыренжапова был нож. Посягательство Цыренжапова носило опасный для жизни Чимитова характер, оно было реальным и к моменту нанесения второго удара не окончилось. Продолжая защищаться, Чимитов и нанес второй удар. При этом надо учитывать и психологическое состояние Чимитова, который с минуты на минуту ожидал прихода Сотнича, постоянно носившего с собой нож и применявшего его для терроризирования других подростков. Надо учитывать и то, что Чимитов нанес два удара один за другим без

¹ Бюллетень Верховного суда СССР. 1983. № 3. С. 19.

разрыва во времени. При таких обстоятельствах следует признать, что Чимитов действовал в пределах необходимой обороны¹.

В следственной и судебной практике иногда наблюдается неправильный подход к оценке факта перехода оружия из рук нападающего в руки обороняющегося и применения его против посягавшего.

Факт перехода орудия из рук нападающего в руки обороняющегося далеко не всегда является достаточным для того, чтобы обороняющийся был уверен, что нападение окончено и перевес сил снова не будет на стороне посягавшего, а поэтому для правильного решения этого вопроса необходимо учитывать обстановку, соотношение физических сил посягавшего и обороняющегося и степень агрессивности первого.

Это обстоятельство специально подчеркивалось в п. 5 Постановления Пленума Верховного суда СССР от 16 августа 1984 г.

Канахин был осужден по ст. 103 УК РСФСР за убийство Чернявского при следующих обстоятельствах.

Канахин и Чернявский после распития спиртных напитков играли в карты. Во время игры между ними произошла ссора. Чернявский стал угрожать Канахину убийством и дважды замахивался ножом. Канахин отобрал у Чернявского нож и ударил того этим ножом в грудь, причинив проникающее ранение грудной клетки с повреждением сердца. От полученного телесного повреждения Чернявский скончался.

Надзорная инстанция суда сочла, что Канахин нанес удар ножом Чернявскому, будучи в состоянии необходимой обороны.

Из материалов дела видно, что все произошло в течение нескольких секунд. С учетом агрессивного поведения Чернявского, замахнувшегося сначала на Канахина бутылкой, угрожая зарезать, а затем дважды ножом, от чего Канахину удалось уклониться и вырвать нож, нанесение сразу же этим ножом удара Чернявскому следует признать причиненным при необходимой обороне².

Убийство или причинение тяжкого либо средней тяжести вреда здоровью при превышении пределов необходимой обороны, когда имеет место объективно запоздалая оборона, следует отграничивать от убийства или причинения вреда здоровью в состоянии сильного душевного волнения (аффекта), вызванного насилием со стороны потерпевшего (ст.ст. 107, 113 УК РФ).

¹ Бюллетень Верховного суда РФ. 1994. № 9. С. 3.

² Ведомости Верховного суда РСФСР. 1992. № 10. С. 13.

С учетом того, что сильное душевное волнение (аффект), как правило, бывает у обороняющегося и при необходимой обороне, ограничивать данные составы следует по мотиву.

Убийство и причинение вреда здоровью, предусмотренные ст.ст. 107, 113 УК РФ, совершаются по мотиву мести, а не по мотиву защиты (п. 11 Постановления Пленума Верховного суда СССР от 16 августа 1984 г.).

Правильно выявить мотив убийства или причинения вреда здоровью в ряде случаев можно, ориентируясь на начальный момент действий, приведших к таким последствиям. Если насильственные действия по отношению к посягавшему совершались обороняющимся лицом своевременно, т. е. когда имело место посягательство, то налицо необходимая оборона.

Если же действия, приведшие к смерти или причинению вреда здоровью лица, совершившего общественно опасное посягательство, начаты в отношении его тогда, когда посягательство уже явно прекратилось, то при наличии у человека, совершившего их, сильного душевного волнения эти действия должны квалифицироваться соответственно по ст.ст. 107, 113 УК РФ.

В аналогичных случаях, когда сильного душевного волнения у виновного не установлено, содеянное следует квалифицировать по ст.ст. 105, 111, 112 УК РФ. Как расправа, т. е. умышленное причинение вреда здоровью или убийство из мести, рассматриваются и такие случаи, когда действия, начатые своевременно, как оборонительные, после отражения нападения не прекращались.

В одиннадцать часов вечера к бригадиру Базатикову, проживавшему недалеко от фермы, прибежал сторож Рязанов и сообщил, что неизвестные лица ломятся на ферму. Базатиков послал сторожа к администрации, а сам направился к ферме. Подходя к ферме, Базатиков заметил в свинарнике тень человека и спрятался, а когда тот появился с мешком на плечах, он вышел навстречу и спросил, долго ли будет продолжаться воровство. Человек с мешком обернулся, и Базатиков узнал своего соседа Клеукина. Находясь в двух-трех метрах от Базатикова, Клеукин замахнулся на него палкой, Базатиков вырвал палку и ударил ею Клеукина по голове. Клеукин упал. Базатиков стал наносить ему многочисленные удары палкой (которая оказалась металлической) по голове до тех пор, пока Клеукин не потерял сознание. В результате избиения Клеукин скончался. В данном случае есть основания считать, что действия, начатые правомерно как необходимая оборона, переросли в расправу, т. е. умышленное убийство из мести.

Действия, начатые как необходимая оборона, могут перерасти и в умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах.

Так, в определении Судебной коллегии Верховного суда РСФСР по делу Камбалова указано следующее: “Если лицо вначале оборонялось от нападения, а затем, когда нападение было прекращено, совершило убийство нападавшего с особой жестокостью, т. е. совершило акт мести — самочинной расправы, такие действия должны квалифицироваться по п. “Г” ст. 102 УК РСФСР”¹ (п. “д” ст. 105 УК РФ).

Убийство и причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью при превышении пределов необходимой обороны — преступления умышленные. Об этом прямо сказано в ст. 37 УК РФ².

Для правильного решения вопроса о субъективной стороне рассматриваемых преступлений надо иметь в виду, что должно быть установлено субъективное отношение лица не только к последствию своих действий, но и к тому, что оно превышает пределы дозволенной защиты, т. е. действует общественно опасно.

Поскольку в ст. 37 УК РФ превышение пределов необходимой обороны определяется как явное несоответствие умышленных оборонительных действий характеру и опасности посягательства, следует вывод, что при превышении пределов допустимой защиты лицо осознает выход за пределы необходимости.

¹ Бюллетень Верховного суда РСФСР. 1970. № 3. С. 7.

² Никакой принципиальной новизны указанное выше внесенное Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 124-ФЗ дополнение в толкование закона о необходимой обороне не внесло, так как согласно действующему закону (ч. 3 ст. 37, ст.ст. 108, 114 УК РФ) превышение пределов необходимой обороны с причинением соответствующего вреда относится к умышленным преступлениям. Данное дополнение полезно тем, что на практике далеко не всегда учитывалось, что для обоснования умысла по ст.ст. 108, 114 УК РФ должно быть доказано осознание обороняющимся не только характера причиняемого вреда, но и того факта, что он своими действиями выходит за пределы необходимости отражения преступного посягательства, т. е. осознание обороняющимся общественной опасности своих действий.

Рассматриваемое дополнение исключает ответственность за превышение пределов необходимой обороны, если обороняющийся не мог объективно оценить степень и характер неожиданного посягательства, т. е. в его действиях отсутствует вина. Однако не могут быть признаны совершенными с превышением пределов необходимой обороны и такие деяния, когда обороняющийся не осознавал, но при определенных обстоятельствах мог осознавать чрезмерность своих действий, поскольку неосторожная вина понятиями необходимой обороны и ее превышением не охватывается.

В отношении последствий оборонительных действий, т. е. смерти нападавшего или причинения тяжкого или средней тяжести вреда его здоровью, возможно как желание, так и сознательное допущение. Умысел может быть как конкретизированный, так и неконкретизированный. При неосторожной вине исключается привлечение к уголовной ответственности за наступившие последствия.

Возникавший ранее в судебной практике вопрос, как квалифицировать причиненный умышленно или при превышении пределов необходимой обороны тяжкий вред здоровью, повлекший за собой смерть по неосторожности, должен решаться однозначно, т. е. в соответствии со ст. 114 УК РФ — как причинение тяжкого вреда здоровью при превышении пределов необходимой обороны. За причиненную при этом по неосторожности смерть уголовная ответственность не наступает (п. 10 Постановления Пленума Верховного суда СССР от 16 августа 1984 г.).

Вопрос о возможности уголовной ответственности за покушение на убийство при превышении пределов необходимой обороны разноречиво решался как в юридической литературе, так и в судебной практике.

Так, Президиум Верховного суда РСФСР в постановлении по делу Башкирова указал, что действия лиц, превысивших пределы необходимой обороны, следует квалифицировать в зависимости от фактически наступивших последствий, а не по направленности умысла¹.

Иначе решено было дело по обвинению Петрова, который с целью обороны выстрелил в Шумилова, тяжело ранив его. Ленинградским областным судом Петров был осужден по ст.ст. 15, 105 УК РСФСР. Кассационная инстанция оставила этот приговор без изменения².

Правильной является позиция, исключаяющая возможность привлечения к уголовной ответственности за покушение на убийство при превышении пределов необходимой обороны. Закон устанавливает уголовную ответственность для обороняющегося за причинение при превышении пределов необходимой обороны вреда посягающему. Таким образом, если реальный вред не причинен, то сам факт совершения оборонительных

¹ Бюллетень Верховного суда РСФСР. 1963. № 5. С. 12.

² См. также дело по обвинению Ганина по ст.ст. 15, 105 УК РСФСР (Социалистическая законность. 1970. № 7. С. 19).

действий, выходящих за пределы допустимости отражения нападения, не представляет той общественной опасности, которая обязательна для признания деяния преступлением.

Следственная практика сталкивается со случаями причинения вреда при защите от мнимого нападения, когда в действительности общественно опасного посягательства нет. В юридической литературе и на практике такие случаи называют мнимой обороной. Мнимая оборона предполагает существование каких-либо обстоятельств, ошибочно воспринимаемых как общественно опасное посягательство.

Если обстановка не давала оснований для восприятия действий потерпевшего как общественно опасного посягательства, то состояние необходимой обороны исключается и лишение жизни или причинение вреда здоровью квалифицируется как обычное умышленное преступление.

К., работавший сторожем на пасеке, выстрелил в проходивших в вечернее время подростков С. и Д., приняв их за воров. В лесу он увидел человека и выстрелил в него. Судебная коллегия Верховного суда РСФСР в определении по этому делу отметила, что в данном случае у К. не было никаких оснований считать, что совершается общественно опасное посягательство, а поэтому он должен нести ответственность за обычное умышленное убийство¹.

Из п. 13 Постановления Пленума Верховного суда СССР от 16 августа 1984 г. вытекает, что лицо за причинение смерти или вреда здоровью при мнимой обороне либо вообще не следует привлекать к уголовной ответственности, либо оно должно нести ответственность за неосторожное преступление, а при определенных обстоятельствах — за превышение пределов необходимой обороны.

Уголовная ответственность исключается в тех случаях, когда обстановка происшествия давала все основания оборонявшемуся полагать, что имело место реальное общественно опасное посягательство, и это лицо не превысило пределы необходимости отражения такого посягательства. При указанных обстоятельствах отсутствует вина, т. е. нет состава преступления.

После инкассации выручки инкассаторы А. и В. выходили из ресторана. Для более надежной охраны инкассаторской сумки А. передал ее невооруженному В., а сам, зарядив пистолет, последовал за ним. Швейцар попросил стоящих у двери людей дать дорогу инкассаторам. Воспользовавшись тем, что швейцар открыл дверь, в фойе ресторана вошел Л., который был пьян. Он

¹ Бюллетень Верховного суда РСФСР. 1967. № 2. С. 12—13.

шагнул в сторону инкассаторов. В. пытался остановить Л. и схватил его за руку. Тот вырвал руку, ударил В. по лицу и продолжал наступать на инкассаторов, которые пятились назад. А., держа в руке направленный на Л. пистолет, просил его остановиться, но Л. продолжал к нему приближаться. Тогда А. произвел предупредительный выстрел вверх, но Л. не остановился. А., считая что совершается нападение, с расстояния трех метров выстрелил в Л., лишив его жизни.

Поскольку А. в данном случае предпринял все предупредительные меры, предусмотренные Положением о работниках инкассации Государственного Банка, которые, однако, не оказали должного воздействия на Л., с учетом создавшейся ситуации, дающей все основания считать, что совершается нападение, дело в отношении А. было прекращено. Стечение обстоятельств в данном случае вызвало у А. полную убежденность в том, что налицо нападение, и он в такой ситуации не мог осознать своего заблуждения, т. е. в его действиях нет вины¹.

Если же, судя по обстоятельствам происшествия, определенные основания считать, что совершается общественно опасное посягательство, у обороняющегося были, но он имел возможность убедиться в своем заблуждении, то ответственность должна наступать за неосторожное причинение смерти или вреда здоровью, так как обороняющийся при этом, хотя и не осознает общественно опасного характера своих действий, должен был и мог это осознавать, если бы проявил необходимую внимательность.

Если лицо не имеет возможности осознать свою ошибку, оно должно нести уголовную ответственность за лишение жизни другого лица или причинение ему вреда здоровью только в том случае, если будет установлено, что даже в условиях соответствующего действительного нападения избранные обороняющимся средства и способы защиты явно не вызывались необходимостью.

Инкассаторы Госбанка Гривцов и Шалаев на автомашине “Волга” производили сбор денег. Машина остановилась у парикмахерской. Гривцов ушел в помещение, Шалаев с шофером остался в машине охранять баул с деньгами. В этот момент к машине подошли находящиеся в нетрезвом состоянии четверо мужчин и стали просить подвезти их. Шалаев, пытаясь закрыть дверцу машины, ударил по руке одного из них. В этот момент Шалаева схватили за ногу. Решив, что совершается разбойное нападение, Шалаев выстрелил через заднюю дверцу. Услышав выстрел, Гривцов выбежал из помещения и выстрелил вслед убегающим от машины парням, но промахнулся. Проходивший в это время по улице Карамышев спрятался за стоящую рядом бочку, но решив,

¹ Социалистическая законность. 1972. № 4. С. 85.

что стрельба прекращена, вышел из-за укрытия. Увидев Карамышева и решив, что это один из нападавших, Гривцов выстрелил и попал ему в голову.

Президиум Верховного суда РСФСР по этому делу указал, что Гривцов совершил свои действия в состоянии мнимой обороны, имея все основания полагать, что неизвестными совершенно нападение на машину. Но при изложенных обстоятельствах у Гривцова явно не было необходимости стрелять Карамышеву в голову. Вред, причиненный действиями Гривцова, явно превысил пределы допустимого вреда в условиях соответствующего реального нападения¹.

Если имеет место такая ситуация, когда обороняющийся от мнимого нападения не осознавал, но должен был и мог осознавать, что реального нападения нет и, кроме того, будет признано, что и в условиях соответствующего реального нападения по характеру действий он явно вышел за пределы необходимости, лишение им жизни другого лица либо причинение тяжкого вреда здоровью следует квалифицировать как неосторожные преступления по ст.ст. 109, 118 УК РФ. Это более тяжкие преступления, чем совершенные при превышении пределов необходимой обороны.

Определенные трудности на практике вызывает квалификация действий лиц, причинивших вред здоровью преступника или смерть в момент его задержания, доставления в соответствующие органы власти.

Статья 38 УК РФ гласит, что не является преступлением причинение вреда лицу, совершившему преступление, при его задержании для доставления органам власти и пресечения возможности совершения им новых преступлений, если иными средствами задержать такое лицо не представлялось возможным и при этом не было допущено превышения необходимых для этого мер.

Часть 2 ст. 38 УК РФ предусматривает, что следует понимать под превышением мер, необходимых для задержания лица — это явное несоответствие характеру и степени общественной опасности совершенного задерживаемым лицом преступления и обстоятельствам задержания, когда лицу без необходимости причиняется явно чрезмерный, не вызываемый обстановкой вред. Такое превышение влечет за собой уголовную ответственность только в случаях умышленного причинения вреда.

¹ Бюллетень Верховного суда РСФСР. 1971. № 8. С. 8.

В части 2 ст. 108 УК РФ указан состав убийства, совершенного при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление, а в ч. 2 ст. 114 УК РФ предусмотрена уголовная ответственность за причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью при таких же обстоятельствах.

Как необходимую оборону следует рассматривать только действия по задержанию лиц, совершивших общественно опасные действия, содержащие признаки преступления. Однако могут быть случаи, когда лицо, совершившее правонарушение, не являющееся преступлением, в ответ на законное требование следовать в соответствующий орган власти применяет насилие в отношении задерживаемого лица. В такой ситуации у задерживаемого лица, естественно, возникает право на необходимую оборону при посягательстве на его жизнь, жизнь других людей, право на причинение любого вреда, в том числе и на лишение жизни задерживаемого.

Причинение существенного вреда личности задерживаемого преступника правомерно, если не было реальной возможности задержать его иным путем. Лишение жизни задерживаемого лица, если оно в этот момент никому не угрожало лишением жизни, может быть признано правомерным лишь в случаях совершения преступником тяжкого преступления. При отсутствии этих признаков задерживающий должен нести уголовную ответственность по ст. 108 УК РФ.

В., узнав от своей родственницы, что неизвестный гражданин пытался похитить со двора мотоцикл, взял ружье, зарядил его и вместе с женой и родственницей ночью вышел во двор. На улице они увидели К., которого родственница опознала как похитителя мотоцикла. Послав жену сообщить о случившемся в милицию, В. стал следить за К. Когда жена вернулась и сообщила, что работник милиции приедет, В., заметив, что К. побежал, стал преследовать его, а затем выстрелил и убил его.

Судебная коллегия Верховного суда РСФСР в определении по этому делу указала, что в данном случае причинение смерти преступнику явно не соответствовало характеру и опасности посягательства и обстановке задержания. Действия В. квалифицированы по ст. 105 УК РСФСР (ст. 108 УК РФ)¹.

Лишение жизни при задержании опасного преступника рассматривается по правилам необходимой обороны не только тогда, когда смерть явилась следствием предпринятых задерживающим лицом мер с целью задержания, но и тогда, когда за-

¹ Обзор судебной практики Верховного суда РСФСР за 1971 г.

держат преступника живым не представлялось возможным и лишение его жизни явилось необходимым в целях предупреждения совершения им новых преступлений.

Убийство, причинение вреда здоровью при задержании следует отличать от таких последствий, причиненных по мотивам мести.

Так, по делу Козловского Пленум Верховного суда СССР указал: Козловский никаких действий по задержанию Матыцкого и доставлению его в органы власти не предпринял и явно не имел такого намерения. С расстояния 6–7 метров он выстрелил в Матыцкого, а затем дважды ударил его прикладом по голове, что привело к смерти. Если бы Козловский намеревался задержать Матыцкого, то это было возможно осуществить: он был вооружен, находился вместе с братом, Матыцкий же был один, без оружия, загнан в узкое место, откуда не мог убежать.

Поэтому совершенное Козловским убийство правильно квалифицировано по ст. 103 УК РСФСР как умышленное убийство¹.

Пленум Верховного суда СССР в п. 4 Постановления от 16 августа 1984 г. особо подчеркивал, что следует строго соблюдать требования закона, направленные на защиту представителей власти, работников природоохранных органов, военизированной охраны и иных лиц в связи с исполнением ими служебных обязанностей по пресечению общественно опасных посягательств и задержанию правонарушителей. Исключается уголовная ответственность этих лиц за вред, причиненный посягавшему или задерживаемому, если они действовали в соответствии с требованиями уставов, положений и иных нормативных актов, регламентирующих основания и порядок применения ими оружия.

В ст. 15 Закона РФ “О милиции” от 18 апреля 1991 г. с последующими изменениями и дополнениями перечислены ситуации, при которых допустимо применение работником милиции огнестрельного оружия:

- 1) для защиты граждан от нападения, опасного для жизни или здоровья;
- 2) для отражения нападения на сотрудника милиции, когда его жизнь или здоровье подвергаются опасности, а также для пресечения попытки завладения его оружием;
- 3) для освобождения заложников;

¹ Бюллетень Верховного суда СССР. 1971. № 2. С. 20.

4) для задержания лица, застигнутого при совершении тяжкого преступления против жизни, здоровья и собственности и пытающегося скрыться, а также лица, оказывающего вооруженное сопротивление;

5) для отражения группового или вооруженного нападения на жилища граждан, помещения государственных органов, организаций и общественных объединений;

6) для пресечения побега из-под стражи: лиц, задержанных по подозрению в совершении преступления; лиц, в отношении которых мерой пресечения избрано заключение под стражу; лиц, осужденных к лишению свободы; а также для пресечения попыток насильственного освобождения этих лиц.

Сотрудники милиции имеют право, кроме того, использовать огнестрельное оружие в следующих случаях:

1) для остановки транспортного средства путем его повреждения, если водитель создает реальную опасность жизни и здоровью людей и отказывается остановиться, несмотря на неоднократные требования сотрудника милиции;

2) для обезвреживания животного, непосредственно угрожающего жизни и здоровью людей;

3) для производства предупредительного выстрела, подачи сигнала тревоги или для вызова помощи.

Запрещается применять огнестрельное оружие в отношении женщин, лиц с явными признаками инвалидности и несовершеннолетних, когда возраст очевиден или известен сотруднику милиции, кроме случаев оказания им вооруженного сопротивления, совершения вооруженного либо группового нападения, угрожающего жизни людей, а также при значительном скоплении людей, когда от этого могут пострадать посторонние лица.

Статья 16 данного Закона предусматривает гарантии личной безопасности вооруженного сотрудника милиции: “Сотрудник милиции имеет право обнажать огнестрельное оружие и привести его в готовность, если считает, что в создавшейся обстановке могут возникнуть предусмотренные ст. 15 настоящего Закона основания для его применения. Попытки лица, задерживаемого сотрудником милиции с обнаженным огнестрельным оружием, приблизиться к нему, сократив при этом указанное им расстояние, или прикоснуться к его оружию предоставляют сотруднику право применить огнестрельное оружие в соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 15 настоящего Закона”.

В ст. 28 Федерального закона “О внутренних войсках Министерства внутренних дел Российской Федерации” от 6 февраля 1997 г. с последующими изменениями и дополнениями указано, при каких обстоятельствах может быть применено оружие военнослужащими внутренних войск. Это следующие ситуации:

а) для защиты граждан от нападения, угрожающего их жизни или здоровью;

б) для отражения нападения на военнослужащих, сотрудников органов внутренних дел, угрожающего их жизни и здоровью, а также для пресечения попытки завладеть их оружием и военной техникой;

в) для освобождения заложников, захваченных охраняемых объектов, специальных грузов, сооружений на коммуникациях и военной техники;

г) для задержания лиц, застигнутых при совершении тяжкого или особо тяжкого преступления против жизни и здоровья граждан либо собственности, пытающихся скрыться, а также оказывающих сопротивление;

д) для пресечения побега из-под стражи лиц, задержанных по подозрению в совершении преступления, осужденных к лишению свободы, а также пресечения попыток насильственного освобождения лиц, указанных в настоящем пункте;

е) для остановки транспортного средства в условиях режима чрезвычайного положения путем повреждения транспортного средства, если водитель отказывается остановиться, несмотря на законные требования сотрудников милиции или военнослужащих внутренних войск;

ж) для отражения группового или вооруженного нападения на военные городки (в том числе с использованием транспортных средств), воинские эшелоны (транспорты) и транспортные колонны, охраняемые объекты, специальные грузы, сооружения на коммуникациях, жилые помещения граждан, помещения, занимаемые органами государственной власти, предприятиями, учреждениями и организациями независимо от форм собственности, общественными объединениями;

з) для подавления сопротивления вооруженных лиц, отказывающихся выполнить законные требования военнослужащих внутренних войск о прекращении противоправных действий и сдаче имеющихся у них оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, специальных средств и военной техники;

и) для предупреждения граждан о намерении применить оружие, подачи сигнала тревоги и вызова помощи;

к) для пресечения попыток лиц противоправным способом проникнуть на территории охраняемых объектов, постов и других мест несения боевой службы или покинуть их, когда пресечь эти попытки иными способами не представляется возможным.

Без предупреждения оружие применяется при отражении нападения с использованием оружия, боевой и специальной техники, транспортных средств, летательных аппаратов, морских и речных судов, при побеге из-под охраны с оружием либо на транспортных средствах, летательных аппаратах, морских и речных судах, а также при побеге в условиях ограниченной видимости и при побеге из транспортных средств, с морских или речных судов во время движения.

Оружие запрещается применять в отношении женщин, лиц с явными признаками инвалидности, несовершеннолетних, когда их возраст очевиден или известен военнослужащему внутренних войск, кроме случаев оказания указанными лицами вооруженного сопротивления, совершения вооруженного либо группового нападения, угрожающего жизни и здоровью граждан, а также при значительном скоплении людей, когда от применения оружия могут пострадать посторонние лица.

Вопросы применения оружия частными детективами и охранниками регулируются статьями 16, 17, 18 Закона РФ «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» от 11 марта 1992 г. с последующими изменениями и дополнениями.

Статья 16 этого Закона предусматривает условия применения специальных средств и огнестрельного оружия. В ходе осуществления частной детективной деятельности разрешается применять специальные средства, а при осуществлении частной охранной деятельности — специальные средства и огнестрельное оружие только в случаях и в порядке, предусмотренных настоящим Законом.

Охранник при применении специальных средств или огнестрельного оружия либо частный детектив при применении специальных средств обязан:

предупредить о намерении их использовать, предоставив при этом достаточно времени для выполнения своих требований, за

исключением тех случаев, когда промедление в применении специальных средств или огнестрельного оружия создает непосредственную опасность его жизни и здоровью или может повлечь за собой иные тяжкие последствия;

стремиться в зависимости от характера и степени опасности правонарушения и лиц, его совершивших, а также силы оказываемого противодействия к тому, чтобы любой ущерб, причиненный при устранении опасности, был минимальным;

обеспечить лицам, получившим телесные повреждения, доврачебную помощь и уведомить о происшедшем в возможно короткий срок органы здравоохранения и внутренних дел;

немедленно уведомить прокурора о всех случаях смерти или причинения телесных повреждений.

Частные детективы и охранники, обладающие лицензией, обязаны проходить периодическую проверку на пригодность к действиям в условиях, связанных с применением специальных средств и огнестрельного оружия. Такая проверка осуществляется в порядке, определяемом Министерством внутренних дел Российской Федерации.

Применение частным детективом или охранником специальных средств или огнестрельного оружия с превышением своих полномочий, крайней необходимости или необходимой обороны влечет за собой ответственность, установленную законом.

Статья 17 названного Закона предусматривает применение специальных средств. «На частную детективную и охранную деятельность распространяются правила применения специальных средств, установленных Правительством Российской Федерации для органов внутренних дел Российской Федерации.

Частные детективы и охранники имеют право применять специальные средства в следующих случаях:

1) для отражения нападения, непосредственно угрожающего их жизни и здоровью;

2) для пресечения преступления против охраняемой ими собственности, когда правонарушитель оказывает физическое сопротивление.

Запрещается применять специальные средства в отношении женщин с видимым признаком беременности, лиц с явными признаками инвалидности и несовершеннолетних, когда их возраст очевиден или известен частному детективу (охраннику), кроме случаев оказания ими вооруженного сопротивления, со-

вершения группового либо иного нападения, угрожающего жизни и здоровью частного детектива (охранника) или охраняемой собственности”.

Статья 18 этого Закона предусматривает применение огнестрельного оружия. Охранники имеют право применять огнестрельное оружие в следующих случаях:

- 1) для отражения нападения, когда его собственная жизнь подвергается непосредственной опасности;
- 2) для отражения группового или вооруженного нападения на охраняемую собственность;
- 3) для предупреждения (выстрелом в воздух) о намерении применить оружие, а также для подачи сигнала тревоги или вызова помощи.

Запрещается применять огнестрельное оружие в отношении женщин, лиц с явными признаками инвалидности и несовершеннолетних, когда их возраст очевиден или известен охраннику, кроме случаев оказания ими вооруженного сопротивления, совершения вооруженного или группового нападения, угрожающего жизни охранника или охраняемой собственности, а также при значительном скоплении людей, когда от применения оружия могут пострадать посторонние лица.

О каждом случае применения огнестрельного оружия охранник обязан незамедлительно информировать орган внутренних дел по месту применения оружия”.

В ст. 24 Федерального закона “Об оружии” от 13 декабря 1996 г. сказано, что граждане Российской Федерации могут применять оружие для защиты жизни, здоровья и собственности в состоянии необходимой обороны или крайней необходимости. Однако далее в этой статье указывается, что применению оружия должно предшествовать четко выраженное предупреждение об этом лица, против которого применяется оружие. Требования данного закона о необходимости предупредительного выстрела относятся только к тем случаям, когда нет непосредственной опасности для жизни людей или наступления иных тяжких последствий.

Баженов, работавший стрелком ВОХР станции Тамбов-1, был осужден по ст. 105 УК РСФСР за убийство при превышении пределов необходимой обороны. Имея при себе табельное оружие системы “Наган”, Баженов самовольно покинул пост и пришел в ресторан, где принял участие в танцах. Во время очередного танца не установленный следствием гражданин, находясь сзади Баженова, набросил ему на шею удавку и начал душить. Одновременно кто-то

завернул ему за спину левую руку, а другое не установленное следствием, лицо пыталось вытащить из кобуры револьвер. Препятствуя завладению оружием, Баженов дотянулся рукой до спускового крючка и с целью привлечения внимания работников милиции произвел выстрел в пол. Однако и после выстрела указанные лица не отказались от своего преступного намерения и продолжали удерживать его сзади. Баженову удалось вырвать револьвер у нападавших и освободиться от удавки. В это время он увидел перед собой ранее не знакомого ему Дугова, который сделал атакующее движение в его сторону. Восприняв действие Дугова как продолжение преступного посягательства по завладению оружием, Баженов с близкого расстояния выстрелил ему в голову.

Президиум Тамбовского областного суда по протесту заместителя председателя Верховного суда РФ уголовное дело в отношении Баженова в соответствии со ст. 13 УК РСФСР прекратил, признав, что он действовал без превышения пределов необходимой обороны, так как с учетом первоначальных преступных действий, совершенных в отношении его, он имел все основания действия Дугова воспринимать как направленные не только на завладение оружием, но и на применение насилия, опасного для его жизни и здоровья¹.

Итак, применение оружия с лишением жизни нападавшего допустимо во всех случаях, когда от нападавшего исходила реальная опасность для жизни обороняющегося или других лиц. Во всех иных ситуациях применение оружия с лишением жизни нападавшего допускается, если не было с учетом обстановки явного несоответствия оборонительных действий характеру и опасности посягательства.

¹ Бюллетень Верховного суда РФ. 1994. № 5. С. 13.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРИЧИННАЯ СВЯЗЬ В ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ПРОТИВ ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЯ.....	3
<i>Материалистическая концепция причинности — основа понятия причинной связи в уголовном праве....</i>	—
<i>Причинная связь — необходимый элемент объективной стороны материальных составов преступлений. Необходимые и случайные причинные связи в преступлениях против жизни и здоровья.....</i>	4
<i>Причинная связь при соучастии.....</i>	14
<i>Причинная связь и виды вины.....</i>	16
ЗНАЧЕНИЕ УСТАНОВЛЕНИЯ СУБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ ДЛЯ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЛИЧНОСТИ	19
<i>Значение доказанности направленности и содержания умысла для квалификации преступлений против личности</i>	—
<i>Отграничение покушения на убийство от умышленного причинения вреда здоровью.....</i>	20
<i>Отграничение покушения на убийство от угрозы убийством.....</i>	24
<i>Отграничение причинения умышленного тяжкого вреда здоровью, повлекшего за собой по неосторожности смерть потерпевшего, от убийства и причинения смерти по неосторожности.....</i>	25
УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ.....	31

Об авторе

Людмила Аркадьевна Андреева родилась 6 февраля 1928 года в г. Ленинграде. На ее долю выпало пережить тяжкое время блокады.

В 1946 г. поступила на юридический факультет Ленинградского государственного университета. Окончила Университет в 1951 году с отличием.

Профессиональную деятельность юриста начала в Новгороде. С 1951 по 1954 г. работала госарбитром в Арбитраже при Новоблисполкоме.

С 1954 по 1958 г. обучалась в аспирантуре юридического факультета Ленгосуниверситета, по окончании которой продолжила работу госарбитром, но уже в Арбитраже при Лениблисполкоме.

В 1961 г. была избрана членом Ленинградского городского суда, где до 1965 г. работала в уголовной коллегии и членом президиума.

В 1962 г. успешно защитила в Ленгосуниверситете диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук.

В 1965 г. перешла на преподавательскую работу в Высшую школу МВД СССР.

С 3 мая 1966 г. была принята по переводу в Институт усовершенствования следственных работников органов прокуратуры и охраны общественного порядка на должность заведующей кафедрой уголовного права, процесса и криминологии, которую возглавляла до 1978 г. Далее до 1992 г. работала в должности доцента. После преобразования Института в 1992 г. вновь возглавила ту же кафедру и продолжала работать в этом качестве до 1996 г.

Л. А. Андреева — известный авторитетный специалист в области уголовного права. Результаты ее научных исследований отражены в более чем 70 изданиях. Ученое звание доцента ей было присвоено в 1968 г.

Л. А. Андреева — заслуженный юрист Российской Федерации, почетный работник прокуратуры. Имеет классный чин старшего советника юстиции.

В настоящее время Л. А. Андреева является доцентом кафедры уголовного права и криминологии.

Л. А. Андреева награждена медалями “За доблестный труд в ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина”, “За трудовое отличие”, “В память 300-летия Санкт-Петербурга”.

УЧЕНЫЕ НАШЕГО ИНСТИТУТА

Людмила Аркадьевна АНДРЕЕВА

ИЗБРАННОЕ

ИД № 01501 от 10 апреля 2000 г.

*Редактор Н. В. Бибикина
Корректор Н. Я. Ёлкина
Компьютерная верстка
Т. И. Сьюлгиной, Ю. С. Егоровой*

Подписано к печати 16.02.2004 г. Бум. тип. № 1.
Гарнитура "Times New Roman Cyr". Ризография. Печ. л. 3,5.
Уч.-изд. л. 3,75. Тираж 200 экз. Заказ 1677.

Редакционно-издательский отдел
Санкт-Петербургского юридического института
Генеральной прокуратуры РФ
191104, Санкт-Петербург, Литейный пр., 44
Отпечатано с оригинал-макета в печатно-множительной лаборатории
Санкт-Петербургского юридического института
Генеральной прокуратуры РФ